

Русская
антропологическая
школа

Труды

Выпуск 4 (часть 2)

Москва
2007

УДК 008.001
ББК 71.4я43
Т77

Художник М. Гуров

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2007



В. Публикации

Е.В. Глухова

Письма А.Р. Минцловой к Андрею Белому: материалы к розенкрейцеровскому сюжету в русском символизме.¹

Русский символизм во многом осознавал себя наследником традиций романтической эстетики, в том числе романтического принципа «искусство для немногих», где ключевым является противопоставление «знающего» (т.е. посвященного в тайны искусства) – «незнающему» (профану). Кроме того, как литературное направление русский символизм ведет свое происхождение от французского символизма, где увлечение поэтов оккультизмом было достаточно распространенным явлением². В русской традиции со времен новиковского Братства Злато-Розового Креста, именно розенкрейцеровский архетип инициации прочно связывался с просветительско-литературной средой: «Все захотели быть приобщенными к истинному розенкрейцерству, – писал Н. Бердя-

ев, – как это было у нас в масонских течениях конца 18 и начала 19 века»³.

В истории символизма можно было бы отметить как своеобразный феномен возникновение неких дружеских объединений, по замыслу своему напоминавших мистические «братства» – это и дружеский кружок «аргонавтов», это и «союз троебратства» Мережковских, где принимал участие некоторое время Белый⁴, и книгоиздательство «Мусагет», прообразом которого были «аргонавты»⁵, это и организованный Анной Рудольфовной Минцловой «Орден Рыцарей Истины»⁶ – в его состав входили «мусагетовцы» (Э.К. Метнер, Андрей Белый, Вяч. Иванов,).

Публикации последних лет позволяют нам говорить о том, что на философско-эстетическую концепцию символизма оказали влияние разнообразные оккультно-мистические течения конца 19–нач. 20 в., однако непосредственные источники мистической символики, например, в поэтическом творчестве Андрея Белого или Вячеслава Иванова долгое время оказывались трудно вычленимыми. Зачастую элементы «эзотерической» символики в творчестве писателей и поэтов Серебряного века вели свое происхождение от «идей», которые носились в воздухе – их «трансляторами» могли быть, например, устные беседы или же частные письма – в этом смысле благодатным материалом для исследователя является обширнейшая переписка А.Р. Минцловой со своими корреспондентами⁷. Сохранилась большая часть ее писем к Валерию Брюсову, Андрею Белому, Вячеславу Иванову, Маргарите Сабашниковой, Максимилиану Волошину, Эмилию Метнеру, Михаилу Сизову, Алексею Петровскому, Николаю Киселеву, Екатерине Андреевой-Бальмонт – и это далеко не полный список ее корреспондентов. К сожалению, практически отсутствуют на сегодняшний день в архивных хранениях письма ее адресатов, то есть архива самой А.Р. Минцловой не существует. Корпус эпистолярного наследия Минцловой имеет безусловную культурологическую ценность: то, что на первый взгляд кажется мистическим бредом больной женщины, в действительности оказывается бесценным источником для реконструкции так называемой «мистико-утопической» модели русского символизма, поскольку Минцлова была человеком высоко образованным, круг ее чтения чрезвычайно обширен, она знала много языков, во всяком случае, совершенно точно: французский, немецкий, итальянский, английский, латынь и древнегреческий. Кроме того, ее письма – это на-

глядный пример того, каким образом проникало антропософское учение Рудольфа Штайнера в среду русской интеллигенции начала века.

Кроме того, письма А.Р. Минцловой к символистам круга «Музагета» можно рассматривать в качестве замечательного примера того, как в символистской среде генерируется модель мистического братства розенкрейцеров. Трудно отрицать и тот факт, что именно розенкрейцеровская мифологема, прочно укоренится в сознании ее адресатов и в дальнейшем приобретет вполне определенные черты индивидуального мирозерцания (как это было с Андреем Белым, например).

Анна Рудольфовна Минцлова (1860?–1910?) – деятельница теософского движения⁸, одна из первых русских учениц Рудольфа Штайнера, способствовавшая распространению антропософии в России; ей пришлось сыграть особую роль в духовных исканиях русских писателей-символистов Вяч. Иванова и А. Белого.

Воспоминания современников об этой удивительной женщине⁹ весьма разноречивы. Отмечали ее чрезвычайно болезненную, нервную и истеричную натуру, ее склонность к медиумизму и галлюцинациям; возможно также, что она обладала даром ясновидения. Она много путешествовала и никогда не задерживалась и двух недель на одном месте: ее встречали то в Москве, то в Петербурге; она следовала за Штайнером, читавшим лекции по всей Европе¹⁰.

Ее часто сравнивали с Блаватской – этому способствовало странное личное сходство (в том числе и сходство внешнее¹¹: и у Блаватской и у Минцловой, при грузной комплекции обеих, были красивые руки с изящными музыкальными пальцами; и та и другая любили музицировать; у обеих были выпуклые серо-голубые глаза и магнетический взгляд¹²; вьющиеся каштановые волосы). Но можно указать и на сходство другого рода: Минцлова, как и Блаватская, претендовала на роль духовного Учителя; возможно также, что Минцлова сознательно ориентировалась на модель поведения и жизни Блаватской, что отразилось и на том роде деятельности, с которым она прочно вошла в символистскую среду – ее проповеди таинственного учения, происхождение которого она сама связывала с Орденом розенкрейцеров.

Судя по письмам Максимилиана Волошина к своей жене, Минцлова познакомилась с Ивановыми в ноябре 1906 г.¹³ Летом того же года ею был прослушан „русский курс“ лекций Штайнера, организован-

ный в Париже специально для русской аудитории. Краткий конспект-изложение по крайней мере двух лекций представляют собой письма Минцловой к Вяч. Иванову от января 1907.¹⁴ Что же касается «третьего», розенкрейцеровского пути посвящения, которое Минцлова излагала в письме от 20 января, то в упомянутом Штайнеровском курсе об этом «пути» не было речи, по крайней мере в том виде, каким он предстает из письма Минцловой. Зато в книге Р. Штайнера «Очерк тайноведения», мы встречаем практически аналогичное описание «семи ступеней восхождения к духу»¹⁵.

В октябре, ноябре и декабре 1906 г., Штайнер прочел несколько лекций о Христиане Розенкрейце¹⁶, на которых, вполне вероятно, Минцлова не присутствовала; однако, по указаниям комментаторов собрания сочинений Штайнера, в 1904 г. им было прочитаны 3 лекции¹⁷, а в 1905 г. – 2 лекции о розенкрейцестве¹⁸. Кроме того, Минцлова перевела на русский язык лекцию Штайнера «Тайна Розы и Креста», которая не была издана¹⁹ и книгу Штайнера «Теософия».²⁰

Вопрос о происхождении антропософии Штайнера как самостоятельного учения сам по себе достаточно сложен. При всей видимой зависимости и безусловной преемственности от теософии Блаватской, очевидно, что существовал и иной источник, питавший и формировавший оккультную философию Штайнеровской школы: розенкрейцество. Философия розенкрейцеровского братства сложна и в достаточной мере запутана²¹; например, из Штайнеровских лекций следует, что ее комплекс – это синтез восточных учений и христианского миропонимания и тот особый гнозис, который учение розенкрейцеров получило, по некоторым предположениям, в наследство от гностических сект первых веков христианства²². Розенкрейцеровский путь самопознания восходит к традиции древнегреческих мистерий (*nosce te ipsum*) и связан с элевзинскими и орфическими мистериями.

О безусловном интересе Штайнера к розенкрейцеровскому ордену очевидно свидетельствуют не только его многочисленные лекции. Существует мнение, что Штайнер сам был адептом этого братства и, кроме того, имел масонскую степень²³.

Один из современных исследователей истории оккультизма Франсис Кинг приводит любопытное свидетельство некоего анонимного

немецкого оккультиста о связи Штайнера с розенкрейцерством и тамплиерством:

Штайнер был связан с оккультным масонским ритуалом под руководством Клейна (Klein) и Гартмана (Hartmann) в 1902 г. Поначалу они принимали его с большой осторожностью, потому что они думали о нем и его работах не как о творчестве гениального человека, а как об ученом, пишущем о масонстве для Карла Каутского и таким образом он мог получить влиятельную позицию.. Позднее они решили, что это было не так и посвятили его в Братство Света и Розенкрейцерское Иллюминатство, которые были и в самом деле оккультными организациями, а не революционной и политической „Illuminati of Weishaupt“.

В 1905 г. Штайнеру было дано право руководить ложей Восточных Тамплиеров. Штайнер иногда называл свою ложу „секретным масонством“ за три первые степени, которые были такими же, как и аналогичные степени ординарного масонства. Он работал вместе с Реуссом до 1914 г., но их словесно-образная философия была различна; Штайнер не использовал психологический секс, он обращался к змеевидной сексуальной энергии Кундалини (белая сексуальная магия). Поэтому его высшие степени выглядели как символы иного рода.

Штайнер был природным ясновидящим, но в полной мере смог реализовать свои способности после того, как Клейн инициировал его и открыл его энергетические центры, в том числе и шишковидную железу. После этого он видел в Акаше.

<...> Штайнер не использовал масонский ритуал после 1917 г.²⁴

Известно, что не все слушатели штайнеровских лекционных курсов допускались к занятиям «эзотерическими уроками», предназначавшимся для узкого круга²⁵. Но в воспоминаниях Белого мы встречаем упоминание о еще более закрытом объединении, куда он был допущен: «К большим событиям внутренней работы <...> относится принятие меня в круг посетителей эзотерических уроков (так называемые „эзотерише итунде“) весной 1913 года и в более интимный круг, в который принимались посетители последних и о котором Штайнер упомянул уже после закрытия этого интимного круга в своей книге; это второе принятие было в 1914 году, в Швеции <...>»²⁶

Штайнер, вероятно, был связан с так называемым «оккультным», или же «эзотерическим» масонством, как называли в конце прошлого века разнообразные «оккультные братства», к которым относился организованный Жераром Энкоссом (Папюс) и Станиславом де Гуайта «L'Ordre Kabalistique de la Rose-Croix». Кроме того, Папюсом был организован «L'Ordre du martinisme» – значительно модернизированный по отношению к традиционному мартинизму 18 в.²⁷ Традиционное масонство не признавало эти оккультные объединения (по крайней мере, английское масонство древнего и принятого ритуала)²⁸.

Не случайно Минцлова в одном из писем к Вячеславу Иванову просила не раскрывать принадлежности ее к «оккультному масонству»: *«Об одном я умоляю, я настаиваю – не говорите никому ни слова там, никому из них, о том, что Вы знаете об „оккультном масонстве“ . Не говорите о лицах, которые принадлежат к нему – не говорите обо мне ни слова, и о Steiner 'e. <> молчите о том, что Вы знаете раньше всех, о том, что Вы узнали через меня.»*²⁹ По всей видимости, Минцлова не случайно опасалась того, что Иванов невольно может выдать масонской организации принадлежность Штайнера к «эзотерическому масонству». В переписке английских теософов-неорозенкрейцеров мы встречаем указание на то, что *«если английская Великая Ложка услышит о чем-нибудь, называемом „эзотерическим масонством“, <...> под руководством только лишь членов теософского общества, возглавляемого Берлином, то это уже не будет иметь значения: кто Штайнер и какова природа его деятельности; попросту будет сказано: „английские масоны Свободного и Принятого Ритуала не могут присоединяться к любому обществу, работающему по псевдо-масонскому ритуалу“ <...>»*³⁰

Несмотря на тот факт, что Штайнер в своих лекциях неоднократно обращался к истории розенкрейцерства, его отношение к разнообразным оккультным «обществам» и «братствам», самоназвания которых совпадали с историческим Орденом Розы и Креста, было достаточно однозначным: это не более чем эзотерические объединения. Под истинным же розенкрейцерством Штайнер подразумевал *«то розенкрейцерство Европы, которое составляет часть духовного течения, сохраняющего и развивающего эзотерическое христианство в его филиации, существовавшее ранее в движении Святого Грааля, а затем в орденах храмовников»*³¹.

Очевидно, что розенкрейцерский путь посвящения в системе достаточно запутанных мистико-окультистских воззрений Минцловой, имел своим источником именно штайнеровские эзотерические уроки. С другой стороны, М. Карлсон³² предполагает, что Минцлова вполне могла самостоятельно ознакомиться с одной из розенкрейцерских ветвей на Западе, во время своих многочисленных путешествий по Европе, тем более, что в письмах к Иванову от 1908 г. она указывала на происхождение учения розенкрейцеров от «Белой Ложи» («Каббалистический Орден Розы и Креста» Папуся и Гуайты вел свое происхождение именно от этой Ложи). Однако, «Белое Братство», по свидетельству биографов Блаватской³³ – это семь тибетских махатм (один из них – Мория) под руководством которых ею была написана «Тайная доктрина». Минцлова, вслед за Блаватской и Безант, также объявляла своими «учителями» «белых братьев», в частности, махатму Мория (в другой транскрипции Мория): например, в письме к Вяч. Иванову от 2 января 1908 г. она сообщала о том, что в вагоне поезда Петербург–Москва ей было явление Мория; в дневниковых записях Метнера есть упоминание о том, что ему и Белому были показаны портреты махатм с тем, чтобы выбрать кого-либо из них в духовные учителя: *«Были мне показаны два портрета носителей высочайшей ступени розенкрейцерства; предложено выбрать одного из них в руководители: я долго смотрел: оба одинаково прекрасны и мудры; левый – прельстительнее, правый – яснее, левый – Дионис, правый – Аполлон; я выбрал последнего; (было одобрено); (правый глазами похож на Ницше; левый на Гёте; оба индусы)»*.³⁴ О «двух адептах» также упоминает Белый в «Записках чудака»: *«Однажды, в решительный миг моей жизни, мне дали две карточки, изображавших два Лица (перепечатки тех карточек можете видеть в поверхностной книге немецкого мистика Гартмана)»*.³⁵

Среди теософов было принято считать, что розенкрейцерские адепты мигрировали в Индию и Тибет в 17 в. и находились среди Великих Посвященных Белой Ложи³⁶. Интересно то, что в своих дневниках Блаватская упоминала о голосе Махатмы, велевшего назвать Общество „Розенкрейцерским Братством“, тот же вариант названия будущего Теософского общества мы встречаем в записях Олькотта о первых заседаниях³⁷. М. Карлсон пишет, что *«есть свидетельства о контакте Минцловой с мартинистами, Розенкрейцеровско-масонским орденом, ос-*

нованным Папиусом <... > и сообщавшимся с Континентальными Розенкрейцерами». ³⁸ В своих воспоминаниях Белый также указывал на то, что Минцлова была близка к мартинистским кругам при царском дворе: «и появлялись не одобрявшие ее деятельность мартинисты, расширившие-де влияние среди избранного петербургского общества и среди иерархов; мне помнится, как она сообщала, что будто бы она имела беседу с одним из великих князей, мартинистов, что будто бы этот последний поставил вопрос, как нам быть с нашей родиной и что делать с царем Николаем Вторым» ³⁹.

М. Карлсон считает, что, возможно, Минцлова и Штайнер были равны по ранговому положению в Ордене мартинистов ⁴⁰. Если предположить, что оба они развивали аспекты одного и того же учения, то перед нами встает проблема «коллег», а не «учителя и ученицы», как это обычно представляется ⁴¹. В этом смысле кажется любопытным такой факт: в истории антропософии был скандальный случай с неким Луи фон Грасхоффом – американским эмигрантом немецкого происхождения, который в 1908 г., прослушав курс штайнеровских лекций и вернувшись в Америку, написал и опубликовал под псевдонимом Макс Гендель книгу «Rosicrucian Cosmo-conception» («Космогоническая концепция розенкрейцеров» ⁴²), представлявшую собой компиляцию из эзотерических уроков и лекций Штайнера. Несмотря на то, что Штайнер официально отмежевался от Грасхоффа, тем не менее последний организовал в Америке «Rosicrucian Fellowship» – братство, существующее и поныне. Но ведь и Минцлова избрала именно розенкрейцерство в качестве «посвятительной модели» – возможно оттого, что исторически это братство не имело канонизованного ритуала инициации, такого, как например, масонство. ⁴³ Это, как ни странно, давало ей большую свободу: она вполне могла и не использовать обрядовую сторону посвящения, либо придумать некий фантастический ритуал. ⁴⁴

Розенкрейцеровский «сюжет» имел свое продолжение в кружке бывших аргонавтов: Минцлова нашла благодарных слушателей в лице Белого и Метнера и решила объединить символистский круг в некое тайное общество: «стала тенденция „аргонавтизма“ нам братством; Петровский, я, Эллис, С.М. Соловьев, Э.К. Метнер, Нилендер, Н.М. Киселёв, М. Сизов и Рачинский – образовали естественно возникавшее братство» – писал позднее Белый о круге «Мусагета» ⁴⁵. Более того, Минцло-

ва, вероятно, была осведомлена о «рыцарской» символике московского «аргонавтизма»: братство символистов должно было называться «Орден Рыцарей Истины». Судя по черновому, неопубликованному варианту мемуаров «Начало века», Белый почерпнул от Минцловой сведения о западно-европейском розенкрейцерстве: *«Розенкрейцеры разделяются на два направления: Восточное Братство – экзотерический отросток движения, в котором старшее поколение (Кунрат, ван Хельмонт, и другие) вполне развито; линия ушла, как говорится, под землю; и это было Восточное Братство, которое на самом деле и посвятило Новикова; но времена изменились и эта старшая ветвь, перед тем, как „уйти под землю“, послала вовне иное ответвление, для того, чтобы сообщить милость Святого Духа свободному обществу людей, которые ведут свое происхождение от Грааля, от Чаши; события будущего воззвали к появлению нового розенкрейцерства, только лишь освященных властью старого розенкрейцерства; появляется новый орден рыцарей; в России должна быть организация, ложа sui generis, и два человека должны быть найдены – в Москве и в Санкт-Петербурге, чтобы собрать вместе тех, кто связан с Братством, создать образец духовного мира, тех личностей, которые подготовят себя духовными упражнениями; упражнение есть оружие – наперед: есть упражнение „дилем“; другое – „жизнь сердца“: жизнь – броня; и еще есть упражнение – „меч“; и „защитник плеча“ (все это – различные упражнения); вооружение Рыцарей формировало рыцарский круг (Круглый Стол, в котором появился Грааль; сначала хранимый рыцарями Грааля, затем Рыцарями Тамплиерами, а в конечном счете – розенкрейцерами); я вызван на помощь: нужно быть чистым – это действительно разбудит сосредоточенность людей; уже есть такая личность и в Петербурге: вместе с Минцловой, мы трое составим настоящий треугольник для строительства храма рыцарей; вокруг этих „двух“ соберутся кружки; Минцлова будет осуществлять связь с Братством Посвященных; ее миссия заключается в том, чтобы передать нечто важное из древней традиции»⁴⁶.*

В фонде Андрея Белого (ОР РГБ) мы встречаем разрозненные выписки по истории масонства, тамплиерства и сведения об истории и происхождении Св. Грааля.⁴⁷ Там же рисунок, изображающий крест и венки из роз⁴⁸:



Датировать этот рисунок сложно, вероятнее всего, он относится к периоду ученичества Белого у Штайнера (1912–1916 гг.). В письме к Блоку от 14 мая 1912 г. Белый восторженно описывал убранство штайнеровской ложи: «Через два часа возвращаемся: комнаты полны народом; нас вводят в удлиненный зал темно-синего цвета: всюду на дверях и окнах синие занавеси; впереди возвышение; в стенном углублении гро-

мадный крест; на нем – венок из красных роз ; на столе – громадный букет из тех же роз, наверху золотой знак  и инициалы лозунга»⁴⁹.

Известно, что интерес Белого к разного рода мистическим учениям возник задолго до его знакомства с антропософией⁵⁰. Особенно пристально Белый заинтересовался историей мистических учений в период своего духовного ученичества у Штайнера – к уже опубликованным известным материалам можно было бы добавить разнообразные схемы «идейной преемственности», в которых рассматривается «катакомбная» посвятельная линия – от элевсинских мистерий через христианство к рыцарям Грааля, затем к розенкрейцерству и к современности (Штайнер)⁵¹.

Из записей Белого об этом периоде в «Материале к биографии» следует, что Минцлова должна была везти Иванова и Белого в небольшой итальянский городок Ассизи, где расположен один из старейших францисканских монастырей, в котором или же где-то поблизости от него должно было состояться искомое «посвящение»⁵²: «*Минцлова требует, чтобы я в мае ехал в Италию, в Ассизи, куда должен приехать Иванов; там, в Ассизи-де должна произойти наша встреча с розенкрейцерами и „посвящение“; но я, измученный уже год длящимся без разрешения мифом, принимающим все более злоеце-фантастический характер, после совета с Метнером, решаю отказаться от „цести“ ехать в Италию*»⁵³. Вместе с тем, решение Белого отказаться от поездки к розенкрейцерам далось ему с большим трудом. В письме к Метнеру от

24 июня 1910 г. он с грустью пишет: «за короткое время я, можно сказать, потерял столько! Иванов, Анна Рудольфовна, Эллис, Соловьев, Маргарита Кирилловна, Мережковские; и я с ужасом думаю: кто же следующий?»⁵⁴

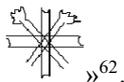
Рассорившись с Белым, Эллис, который до этого момента экстатически предвидел в нем „пророка“, теперь был не менее категоричен в оценке его «предательства»: «Я писал о Б.Н. в своей книге⁵⁵ абсолютно искренне, даже самоотверженно, но в кредит, т.е. веря в его отказ от „Я – агнец“ и в желании упасть перед Розой до конца, до самоотрицания, этой необходимой стадии посвящения. Зная, что моя судьба навсегда останется псом господним <?.> и трубадуром, я тем более верил, что Б.Н. станет Р.К.»⁵⁶ О тревожных настроениях, господствовавших в среде московских символистов летом 1910 г., писал Белому Метнер: «Судя по письмам Эллиса и Маргариты Васильевны в Москве настроение было летом не из важных. Все нервничают, томятся, швыряются в астрал и проч.»⁵⁷ В письме к Э.К. Метнеру от 9 июля 1910 г., Эллис, отличавшийся чрезвычайно настороженным отношением к розенкрейцерскому учению в изложении Минцловой, писал: «Общий центр, связующий меня, Вас и Белого – слишком прочен, слишком ясен, слишком выстрадан, слишком органичен, чтобы помышлять о распадении его. Буря последних недель была внешней к „Мусагету“, занесенной чуждым Ивановым и сивиллой А.Р.М., обладающей даром делать бури»⁵⁸.

Мифология францисканского монастыря в Ассизи, по-видимому, прочно связывалась кругом Белого и Иванова с именем Минцловой: по одной из версий об ее таинственном исчезновении, зафиксированной Бердяевым, «говорили <...>, что она скрылась на Западе, в католическом монастыре, связанном с розенкрейцерами»⁵⁹.

В августе 1910 г. Минцлова предприняла последнюю попытку возобновить розенкрейцеровско-символистское братство. Вяч. Иванов, который к этому моменту уже освободился от духовного водительства Минцловой, и отправлялся в путешествие по Италии. Чувствуя, что ее взаимоотношения с Ивановым терпят очередное поражение, как это уже было в 1908 г., когда она обещала Иванову «настоящих» братьев-розенкрейцеров, и как это было в 1909 г., когда она должна была познать Иванова со Штайнером, Минцлова, будучи в нервном состоянии, сообщает о неотвратимости собственного ухода, о том, что не выполнила

своей миссии и «братья» отзывают ее: *«Любимый, дорогой, я получила второе, безусловное подтверждение той вести, о которой я Вам написала уже в последнем письме моем. Я должна умереть. Я должна еще раз, в 3-ий раз услышать этот призыв, и тогда моей руки коснется Ведущий, Благословенный. Я полна тишины и радости теперь, нет ни минуты волнения или возбуждения»*⁶⁰. Вместе с тем, в своих последних письмах к Иванову, она все же обещала ему посвящение: «все-таки я успею привести Вас к Ним», и там же: *«Завтра буду в Москве, и как только возьму паспорт, я еду прямо в Ассизи, чтобы увидеть Вас. Надеюсь, что это случится, что я успею доехать»*.

Впрочем, Белый длительное время после исчезновения Минцловой верил в Ассизское посвящение. Осенью 1910 г. Метнер отправляется в поездку по Италии вместе с Маргаритой Сабашниковой⁶¹ и шлет Белому открытку: *«Пишу Вам из священного города, куда Вы чуть-чуть не попали. Место совершенно святое и белое: Giotto хорош до слез; посылаю Вам узкоглазую черноокою мадонну. Как хочется здесь поселиться надолго. Видел два дома со старым изображением розы и креста. Есть еще знак странный, в монастыре Св. Франциска. Крест, перекрещенный двумя руками крест накрест.*



»⁶².

Однако еще в сентябре того же года ни Белый, ни Метнер не подозревали об исчезновении Минцловой: *«Вы уже – знаете? А.Р. у Вас была? Да? Милый, милый – не знаю Вашего отношения; тверд, спокоен»*⁶³. Вполне вероятно, что Минцлова, после своего таинственного исчезновения в Петербурге, появлялась инкогнито в Москве, либо каким-то образом подала о себе известие Белому. Однако уже 1 октября, из его письма к Метнеру следует, что она исчезла: *«Слышали ли Вы меня вчера, 30 сентября? Слышали ли Вы меня 16 сентября? Услышите ли Вы меня четырнадцатого октября? Вы просите объяснения? Объяснение ждет уже Вас уже более полутора месяцев – на словах. В этом разгадка Вашего вопроса о том, где А.Р. Ее с нами нет: но духом мы – с ней. <...>*

(Только Вам). Она прошла между нами: она была о свете, но ее

больше нет, хотя свет, ею зажженный, все теплится; и мы о свете; она дала форму нашим стремленьям; она взорвала нашу душу; и души наши осколки, ею раздробленные; но в пробитую брешь светит Дух. Он со всеми нами. Мы без нее, но мы с духом, память о ней теплится, как лампада, души наши – свечи; две свечи горят между нами, хотя Вас еще нет здесь; отсутствующий, Вы присутствуете.<...>

Ее нет, но мы ждем следующего. Начавшееся ушло под землю; но оно не кажется; круг остался; круг – как каменная стена. Но ее нет»⁶⁴.

В 1911 г., когда стало окончательно понятно, что Минцлова исчезла, Метнер, разбирая свою переписку с ней, сделал запись на одном из ее июльских писем 1910 г., в котором идет речь о необходимости ее срочной поездки в Крым, к тяжелобольной Герцык (мачехи А. и Е. Герцык): *«Этот человеколюбием подсказанный отъезд оказался роковым для преуспевания Р.К. в Москве»⁶⁵.*

Белый, который попал на лекции Штайнера в 1912 г., так же, как и Эллис, к тому времени уже около года изучавший антропософию, воспринимали учение Штайнера именно через призму розенкрейцерства⁶⁶.

В 1912 г. Эллис в своих письмах к Метнеру сетует на то, что символисты всегда искали своего духовного Учителя, а нашли ложного – Минцлову; тогда как истинный Учитель – Штайнер, который является *«избранным носителем-интерпретатором Христиана-Розенкрейца – этой коллективной души ордена <...> Сегодня все, что говорила об ордене А.Р. – вздор грубый»⁶⁷.* Эллис, по воспоминаниям Белого, был своеобразным «медиатором» новых идей в символистском кругу: *«<...> хотел он выявить разделение жизни на „лададь“ и на „небесную розу“; <...> от Бодлэра... к Данте, к толкованию „теософических бездн“»⁶⁸.*

Для Белого модернизированная теософия Штайнера в 1912 г. была прежде всего розенкрейцерством (по сути дела это был аналог появившегося позднее термина «антропософия»): *«Розенкрейцерский путь начинается у того предела души, за которым начинается или деформация здоровья, или конфирмация духа; оккультный метод развития есть мудрое знание о том, как подтвердить там, где обычное человеческое здоровье и отсебятина деформирует»* – писал он Александру Блоку⁶⁹.

«Посвятительный импульс», который был получен Белым в 1909 г. от Минцловой и привел его к Штайнеру, проявлялся на разных уровнях

и в различных текстах. «Посвятительный путь» достаточно легко вычленим от «Путевых заметок» и «Петербурга»⁷⁰ вплоть до мемуарной трилогии.

«Путевые заметки» были написаны Белым в два приема⁷¹: первые редакции относятся к 1911–1912 гг., другая редакция (собственно некоторые дополнительные главы) создавалась одновременно с «Записками чудака» (1919 г.). Конечный вариант – это своеобразный итог духовных исканий писателя 1912–1919, поэтому тема пути в «Заметках» обретает эзотерическое звучание и может рассматриваться через призму антропософской посвятительной мифологемы. Несомненно то, что отправляясь в путешествие по Италии, Белый как бы воспроизводит тот особый подтекст путешествия, который выявляется в «Путевых Заметках» через упоминание Гёте, посетившего Италию, и Вагнера, дописывавшего здесь свое «Кольцо Нибелунга»: для круга «Мусажета» не было секретом, что Гёте был отправлен в Италию с особым поручением от розенкрейцеров – расследовать и написать отчет о деятельности графа Калиостро⁷². Возможно, что маршрут путешествия, который был внезапно изменен Белым, первоначально задумывался им как путешествие в Ассизи, но затем стал разворачиваться по схеме крестовых походов XIII в. – Белый как бы повторил поход рыцарей за Св. Граалем в Африку, а затем ко Гробу Господню⁷³.

Следы розенкрейцеровской мифологемы сохранились, например, в повести «Котик Летаев», над которой писатель работал с октября 1915 г. по сентябрь 1916, а также в философском эссе «О смысле познания» (1916 г.)⁷⁴.

Повесть Андрея Белого «Котик Летаев», как известно, заканчивается словами: *«Во Христе умираем, чтоб в Духе воскреснуть»*⁷⁵. Фраза эта как бы логически завершает один из образных рядов повести: «распятие», как принцип познания мира через путь внутреннего самопознания. Вместе с тем весьма схожие по смыслу слова заключают и работу А. Белого «О смысле познания»: *«Мы – в Боге родимся. Во Христе – умираем. И - восстаем в Святом Духе»*. Последняя из приведенных цитат наводит на мысль, что мы сталкиваемся с развернутым формулированием христианского догмата, например, молитвы «Во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа». Однако источник данной фразы несколько иной и имеет своим прообразом «посвятительный сюжет» с Минцловой. В письме

от 17 июня 1909 г. Минцлова, в частности, сообщала Белому некую оккультную формулу⁷⁶:

«Передаю Вам, сейчас, священные Слова, основание и знак Ваш:
Ex Deo Nascimur
In Christo morimur
In Spiritu Sancto Renascimur.
E.D.N. / I.C.M. / I.S.S.R.“

Этот латинский текст является девизом средневековых розенкрейцеров: «Ex Deo nascimur. In Jesu morimur. Per Spiritum Sanctum reviviscimus»⁷⁷. По нашим данным, впервые на русском языке эту формула была опубликована в 1909 г. в «Вестнике Теософии»⁷⁸: «От Бога рождается. Во Христе умираем. Воскресаем в Духе Святом».

Вероятно, розенкрейцеровский девиз, который Минцлова сообщала Белому, был почерпнут ею из штайнеровских эзотерических уроков: на Рождественском Собрании в Дорнахе, посвященном основанию Всеобщего Антропософского Общества (1 янв. 1924 г.), Штайнером была произнесена «Медитация Камня Основы», в состав которой вошел «девиз», также произнесенный по-латыни: «Ex Deo nascimur. In Christo morimur. Per Spiritum Sanctum reviviscimus»⁷⁹. Кроме того, в издании 1917 драмы Штайнера «Врата посвящения, или Инициация. Мистерия розенкрейцеров, сообщенная Рудольфом Штайнером» была использована эмблема «духовной фигуры» (печати), выполненной по эскизам Штайнера: «Десять вписанных в печать литер означают начальные буквы трехчастного девиза истинных розенкрейцеров»⁸⁰.



На важность для самого Белого этой формулировки указывает то,

что свои письма к Э. Метнеру этого периода он подписывал аббревиатурой I.S.S.R.⁸¹, что, как видно из минцловского ключа к шифру, означало: «В Святом Духе возрождаемся». Интересен и другой факт: свое письмо к Белому от 21 июля 1909 г. Вяч. Иванов подписал «I.C.M.»: «*Милый брат, я услышал твое слово, ответить ему не словами можно. С тобой любовь и радость моя. Вячеслав. I.C.M.*»⁸². Эта аббревиатура совершенно очевидно, была частью той же самой розенкрейцеровской формулы: «In Christo morimur – Во Христе умираем». Следовательно, существовал еще и «третий», употреблявший первую часть «шифра», и этим третьим, вероятнее всего была Анна Минцлова. Таким образом, эта трехступенчатый девиз представлял собой эмблематическое выражение мистического «тройственного союза» Минцлова–Иванов–Белый⁸³.

Таким образом, один из ключевых в творчестве Белого символов «самораспятия» приобретает дополнительные смыслы: человек в познании мира и себя проходит муки Христовы и возрождается вновь. По сути дела, эта формула в свернутом виде содержит этапы «посвятительного пути»: ведь именно в этом аспекте воспринимается истинное содержание «нового познания»: тело должно умереть, чтобы возродиться в новом качестве, наполниться иным содержанием. И в том же «посвятительном» ключе, по-видимому, следует воспринимать процесс рождения сознания в воспоминании сознающего, который и воспроизведен автором в повести «Котик Летаев».

Ниже публикуются письма А. Р. Минцловой к Андрею Белому, охватывающие период 1908–1910 гг. Письма Андрея Белого к Минцловой не сохранились (то же самое касается и писем к ней: архив Минцловой пропал; письма ее корреспондентов сохранились только в черновых вариантах, либо включались в состав дневников – как это было с Э.К.Метнером и Вяч. Ивановым); из писем Белого к Минцловой единственное из дошедших, было скопировано ею в письме к Вячеславу Иванову от 23 июля 1909 г.⁸⁴ Корпус эпистолярия Минцловой хранится в ОР РГБ, ф. 25, Андрея Белого. Часть писем цитировалась в работе Н.А. Богомолова: Н.А. Богомолов Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999.

¹ Большая часть материала, предлагаемого мною в качестве предисловия

к публикации писем Анны Рудольфовны Минцловой к Андрею Белому – это третья глава («Розенкрейцеровская мифологема в символистской среде») моей диссертации «Посвятительный миф в биографии и творчестве Андрея Белого», которая была защищена в РГГУ в 1998 г.

²Pincus-Witten R. Occult symbolism in France: Josephin Peladon and the Salon de la Rose-Croix. N.-Y., 1976; Perrot J. The Decadent Imagination 1880–1900. Chicago, 1981; Mercier Alain Les sources ésotériques et occultes de la poésie symboliste (1870–1914). Paris, 1969; McIntosh Chr. Eliphas Levi and the French Occult revival. London, 1972.

³Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990. С. 193.

⁴О „тройственных союзах“ в символизме см.: Эткинд А. Русская культура модерна между Эдипом и Дионисом // Эткинд А.М. Эрос невозможного: развитие психоанализа в России. М., 1994.

⁵По воспоминанию А. Белого, «я ведь и сам пришел к мысли о „братстве“; „ядро“ москвичей до свидания с Минцловой стало естественным братством; мы знали друг друга – в годах; мы сошлись под знаменем „Арго“ <...>» (Цит. по: Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999.)

⁶К числу публикаций на тему «А.Р. Минцлова и русские символисты» относятся статьи: *Carlson M. Ivanov-Bely-Minclova: a mystical triangle* // *Cultura e Memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov*. Vol. 1. Firenze, 1988.; Из переписки В.И.Иванова с А.Д. Скалдиным / Публ., коммент., вступит ст. Михаила Вахтеля // *Минувшее*. М.; СПб, 1992. Т.10. – С. 121–141; *Н.А. Богомолов. Anna Rudolpha* // НЛЮ. 1998. № 1(29) – то же в кн.: *Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм*. М., 1999; *Азадовский К. У истоков русского штайнерианства* // *Звезда*. 1998, № 6; *Обатнин Геннадий. Иванов-мистик: Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919)*. М., 2000; *Киселев Н.П.* Из истории русского розенкрейцера / Предисл. *А.И. Серкова*; сост., подгот. текста и коммент. М.В. Рейзина и А.И. Серкова. СПб.: Из-во им. Н.И. Новикова, 2005; *Renata von Maydell. Vor dem Thore: Ein Vierteljahrhundert Anthroposophie in Russland*. Freiburg, 2005.

⁷Работа такого рода была предпринята в основательной и наиболее тщательной на сегодняшний день статье-монографии Н.А. Богомолова: *Anna Rudolpha* // *Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм*. М., 1999.

⁸О теософском движении в России см.: *M. Carlson. No religion higher, than truth: a history of the theosophical movement in Russia, 1875–1922*. Princeton, 1993.

⁹Основные тексты воспоминаний современников о Минцловой: А. Белый. *Между двух революций*. М., 1990; А. Белый. *Начало века*. М., 1990; Н. Бердяев.

Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1990; Маргарита Волошина. Зеленая змея. История одной жизни. М., 1993; М. Волошин. Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991; Tugenieff A. Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am ersten Goetheanum. Stuttgart, 1972. Письма А. Минцловой к Штайнеру напечатаны в: „Zur Geschichte und aus den Inhalten der ersten Abteilung der Esoterischen Schule 1904–1914“. Dornach / Schweiz, 1984.

¹⁰Такая страсть к перемене мест, возможно, была связана с тем, что после смерти ее отца Рудольфа Рудольфовича Минцлова (1845–1904), у нее фактически не было своего дома. См. наиболее подробное жизнеописание Минцловой, в статье Н. Богомолова. Anna Rudolpha.

¹¹В работе: M. Carlson. Ivanov-Bely-Minclova: the mystical triangle // *Cultura e memoria*. V. 1. Firenze, 1988, сведены воедино все упоминания современников о внешности Минцловой. Следует добавить, что это сходство пришло с годами: среди писем А.Р. Минцловой к Е. Андреевой-Бальмонт (ОР РГБ) сохранилась фотография совсем молоденькой Минцловой, которая конечно же, совершенно не похожа на известные портреты Блаватской.

¹²Белый особенно отмечал это сходство ее глаз: «с глазами Блаватской (не то „шарлатанским“, а не то гениальными)» (Белый А. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 368).

¹³Максимилиан Волошин в Петербурге: осень 1906. Письма к М.В. Сабашниковой / Публ. В.П. Купченко // *Минувшее: Исторический альманах*. М.; СПб., 1997. Т. 21.

¹⁴Публ. почти полностью в кн.: Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999

¹⁵Штайнер Р. Очерк тайноведения. Ереван, 1990. С.252.

¹⁶Соответственно, 20–21 октября 1906 г. *Der Erkenntnispfad im Sinne der Rosenkreutzer*; 30 ноября 1906 г. *Die drei Wege der Einweihung*; 11 декабря 1906 г. *Wie erlangt man Erkenntnisse der hoeren Welten im Sinne der Rosenkreutzer*. Данные взяты из кн.: *Refereces to Cristian Rosenkreutz in lectures and writings by Rudolf Steiner, 1903–1923 // A Christian Rozenkreutz antology / Ed. by P.M.Allen. N.-Y., 1968.*

¹⁷23 мая 1904 г. *Das Pffingstfest*; 4 ноября 1904 г. *Das Mysterium der Rosenkreutzer*.

¹⁸4 октября 1905 г. *Die Sinnesorgane und die Zukunft der Erde*; 10 октября 1905, в составе цикла из 31 лекции, *Die Lehre der Rosenkreutzer*.

¹⁹См. комментарий к кн. Маргарита Волошина (М.В. Сабашникова) *Зеленая змея. История одной жизни / Пер с нем. М.Н. Жемчужниковой*; вступит. ст. С.О. Прокофьева. М., 1993. С. 344.

²⁰Штайнер Р. Теософия. СПб., 1910.

²¹См. библиографию розенкрейцеровской литературы: Gardener F. Leigh. *Bibliotheca Rosicruciana: a catalogue Raisonnie of works on the Occult Sciences.* [priv.prin.] 1923; а также: Frances H. Yates. *The rosicrucian enlightenment.* London, 1979; McIntosh Chr. *The rosicrucians: the history, mythology and rituals of an occult order.* 1990.

²²Штайнер Р. Мистерия и миссия Христиана Розенкрейца . Лекции 1911–1912 гг. / Сост. и пер. с нем. Г.А. Кавтарадзе. СПб., 1992; Штайнер Р. Христианство как мистический факт и мистерии древности. Ереван, 1991.

²³Автор данной работы ни в коем случае не считает себя специалистом в области истории масонства. Приводимые ниже свидетельства в большей мере ориентированы на подтверждение догадок автора работы о возможной связи эзотеризма штайнеровской школы и современных ему оккультных орденов (масонства, тамлиерства, розенкрейцества). На сегодняшний день наиболее разумными и логичными кажутся доводы А.И. Серкова – ведущего специалиста по истории масонства: «в рамках руководимой им Эзотерической школы, независимой от Эзотерической школы теософии, возглавляемой Анни Безант, Рудольф Штайнер наряду с первым отделением основал также второе, символически-культурное. Ради продолжения исторической традиции символизма, он получил от Теодора Ройса, главы немецкого отделения Ордена Древних Франкмасонов обряда Мемфис-Мисраим, диплом высших градусов. Однако в деятельности самого Ордена Штайнер не участвовал, построив свою работу совершенно независимо. Позднее у него встречаются резкие характеристики масонства, прежде всего англосаксонского. Минцлова была одной из эзотерических учениц Рудольфа Штайнера.» (*Серков А.И. Предисловие // Киселев Н.П.* Из истории русского розенкрейцества. СПб., 2005. – С. 21–22).

²⁴Francis King. *The rites of the modern occult magic.* N.-Y., 1970. – (перевод источника мой – Е.Г.)

²⁵Об этом см., напр.: Азадовский К. У истоков русского штайнерианства // Звезда. 1998, № 6.

²⁶Белый А. Символизм как миропонимание. М, 1994. С. 466.

²⁷Серков А.И. История русского масонства: 1845–1945. СПб., 1997; McIntosh Chr. *Eliphas Levi and the French Occult revival.* London, 1972; McIntosh Chr. *The rosicrucians: the history, mythology and rituals of an occult order.* 1990.

²⁸В часто цитируемой «Записке Кандаурова» (Кандауров Л.Д. Записка о русском масонстве // ЦХИДК. Ф 730. Оп. 1. Д. 173), упоминается, как известно, некая ложа «Люцифер», в состав которой входили Иванов, Белый, Брюсов, Метнер, Блок и т.д.; ложа эта просуществовала недолго – около 2-х месяцев (1910). М. Карлсон указывает на любопытное совпадение название журнала Штайнера «Люцифер» (M. Carlson. *No religion higher, than thruth: a history of thetheosophical*

movement in Russia, 1875–1922. Princeton, 1993.) и упоминаемого Кандауровым объединения. Однако, достоверность принадлежности к масонской организации некоторых лиц, указанных в «Записке» безусловно, может оспариваться: Л. Хаас, например, сообщает о том, что Кандауров был чужд дореволюционным русским масонам не только потому, что сам он был принят в масоны в Париже в ноябре 1917 г., но и потому, что по убеждениям своим Кандауров – «окультист и приверженец каббалистики» (Хаас Л. Еще раз о масонстве в России начала XX века // Вопросы истории. 1990. N 1. С. 28). Вполне возможно, что Кандауров почерпнул сведения о ложе «Люцифер» из источников, близких к «окультистному масонству», т.е. от русских мартинистов.

²⁹Письмо от 27.01.1908 // ОР РГБ. Ф. 109. К. 30. Ед.3. Л. 40.

³⁰Francis King. The rites of the modern occult magic. N-Y., 1970. P. 74–75.

³¹Штайнер Р. Из области духовного знания, или антропософии: статьи, лекции и драматическая сцена в переводах начала века / Сост., ред., комм. С.В. Козачкова и Т.Л. Стрижак. М., 1997; Штайнер Р. Мистерия и миссия Христиана Розенкрейца. Лекции 1911–1912 гг. / Сост. и пер. с нем. Г.А. Кавтарадзе. СПб., 1992; Штайнер Р. Руководящие антропософские положения. М., 1997; References to Cristian Rosenkreutz in lectures and writings by Rudolf Steiner, 1903–1923 // A Christian Rozencreutz antology. N.-Y., 1968; Ливенхуд Б. О спасении души. Совместное действие трех великих вождей человечества. Калуга, 1996; Heyer K. Geschichtsimpulse des Rosenkreuzertums. Breslau, 1938.

³²M. Carlson. Ivanov-Bely-Minclova: the mystical triangle // Cultura e memoria. V. 1. Firenze, 1988.

³³См. Нэфф М. Личные мемуары Е.П. Блаватской. М., 1993; Соловьев Вс. С. Современная жрица Изиды: Мое знакомство с Е.П. Блаватской и „теософическим обществом“ / Сост. Г.К. Львова, Л.М. Шарапова, Н.Н. Юргенева. М., 1994.

³⁴ОР РГБ. Ф. 167, к. 22, д. 16, лл. 1–2.

³⁵Белый А. Записки чудака. М; Берлин, 1922. С. 150–151.

³⁶В антропософской интерпретации инкарнацией Христиана Розенкрейца в конце 18 в. считали графа Сен-Жермена. Указание на связь между теософией и розенкрейцерством мы встречаем в одном из современных источников: в литературе передаются «слова, сказанные графом Сен-Жерменом в Вене в 1790 г.: „В конце столетия я удаляюсь из Европы и отправлюсь в область Гималаев. Я буду отдыхать, я должен отдохнуть. Через 85 лет меня будут видеть каждый день“. В 1875 г., то есть ровно 85 лет спустя после того, как было сделано это высказывание, было основано Теософское общество» – Штайнер Р. Мистерия и миссия Христиана Розенкрейца. СПб., 1992.

³⁷Нэфф М. Личные мемуары Е.П. Блаватской. М., 1993.

³⁸Карлсон М. Указ. соч. О контакте Минцловой с мартинистами см. так-

же: Богомолов Н.А. Указ.соч. О мартинизме в России в начале XX в. см: Серков А.И. История русского масонства: 1845–1945. СПб., 1997.

³⁹Белый А. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 368.

⁴⁰Серков А.И. История русского масонства: 1845–1945. СПб., 1997. С. 67–70.

⁴¹В определенной мере подтверждением этому мнению может служить пересказанная Эллисом в письме к К.П. Христофоровой фраза Белого о Минцловой: «Я была первой ученицей Ш-ра, потом я достигла одинаковой степени посвящения с ним, тогда я стала действовать самостоятельно, но не могу (хоть и страдаю) обличать его как первого моего учителя!» (Рената фон Майдель. ««Спешу спокойно»: к истории оккультных увлечений Эллиса// НЛО, 2001, № 51)

⁴²См. : Гендель М. Космогоническая концепция розенкрейцеров. Киев, 1993.

⁴³Об истории новейшего розенкрейцества (конец 19 – нач. 20 вв.) см.: Clymer R. Swinburne. The rosicrucian fraternity in America: authentic and spurious organizations. Quakertown, 1935–36; Waite A. E. The brotherhood of the Rosy cross being records of the house of the Holy Spirit in its inward and outward history. London, 1924; McIntosh Chr. The rosicrucians: the history, mythology and rituals of an occult order. 1990.

⁴⁴Этот ритуал восстанавливается по письмам Минцловой к Вячеславу Иванову. Об этом подробнее в: Глухова Е.В. Посвятительный миф в биографии и творчестве Андрея Белого. Дис. . . кандидата филологических наук. М.: РГГУ, 1998. С. 105–110. В том числе и этому сюжету посвящена работа: Обатнин Г. Иванов-мистик: Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919). М., 2000; Нефедьев Г.В. К истории одного „посвящения“: Вячеслав Иванов и розенкрейцество // Вячеслав Иванов – творчество и судьба: к 135-летию со дня рождения. Материалы конф., 25–27 мая 2000 г. М., 2002. С. 194–202.

⁴⁵Белый А. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 338.

⁴⁶Это текст рукописи Белого „Начало века“, т. 3, ч. 9 (1909–1910), написанный в 1922–1930 гг., частично изданный в 1922–1933 гг. Машинописная копия 1928 г., с авторской правкой 1930 г. хранится в ОР РНБ, Ф. 60, Андрей Белый, ед. хр. 13, лл. 72–73. Текст цит. по: Carlson M. Ivanov-Bely-Minclova: a mystical triangle // Cultura e Memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov. Vol. 1. Firenze, 1988. P. 71–72, – к сожалению, по разным причинам автор этой работы не смог воспользоваться оригинальным текстом Белого, поэтому отрывок приводится в переводе; отдавая себе отчет в недопустимости такого рода цитирования, приносим свои извинения читателю и надеемся, что в будущем данная оплошность будет исправлена.

⁴⁷Белый А. Отдельные листы записей, схем, заметок по вопросам философии. ОР РГБ. Ф. 25. К. 37. Ед. хр. 10. Л. 2 об. Приводимый ниже рисунок – наша копия из тех же архивных материалов.

⁴⁸Роза и крест – мистическо-символические образы розенкрейцеров. Существовало несколько вариантов розенкрейцеровских эмблем: алая роза, распытая на кресте; крест, на пересечении перекалдин которого находился венчик из семи красных роз; десятилепестковая роза с золотым сердцем внутри и крестом. (См.: Тайные фигуры розенкрейцеров. Киев, 1997; Мэнли П. Холл. Энциклопедическое изложение масонский, герметической, кабаллистической и розенкрейцеровской философии. Новосибирск, 1992. С. 503–507; Веселовский А.Н. Из поэтики розы // Избранные статьи. Л., 1939)

⁴⁹Андрей Белый и Александр Блок. Переписка: 1903–1919// Предисл, публ. и коммент. А.В. Лаврова. М., 2001. – С. 457–458.

⁵⁰См. круг материалов по данной теме: Андрей Белый и антропософия / Публ., предисл. и коммент. Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 6, 8, 9. М., 1992.

⁵¹Белый А. Таблицы и схемы идейной преемственности (метафизическая концепция), 1912–1916 гг. // ОР РГБ. Ф. 25. К. 37. Ед. хр. 1. Л. 19.

⁵²М. Карлсон указывает на то, что Минцлова должна была везти Белого и Иванова на международный конгресс мартинистов. К сожалению, статья Карлсон не содержит ссылок на источник подобных сведений.

⁵³А. Белый. Материал к биографии (интимный), предназначенный для изучения только после смерти автора, 1923 г. // РГАЛИ. Ф. 23, оп. 2, Ед. хр. 3, л. 57 об.

⁵⁴ОР РГБ. Ф. 167, Метнер Э.К. К. 2. Ед. хр. 15.

⁵⁵Эллис. Русские символисты. М, 1910.

⁵⁶ОР РГБ. Ф.167, Метнер Э.К. К. 7. Ед. хр. 24.

⁵⁷Письмо от 6.08.1910 // ОР РГБ. Ф. 25. К. 20. Ед. хр. 6. Л. 3 об.

⁵⁸ОР РГБ. Ф.167. К. 7. Ед. хр. 24. Роль Эллиса в истории розенкрейцерства в среде символистов представляется чрезвычайно важной. Как известно, Эллис живо интересовался сам оккультными науками и, судя по всему, являлся одним из важных источников трансляции в символистском братстве идей мистического масонства. Еще в 1905 г., совместно с Н.П. Киселёвым, он задумал написать книгу об истории розенкрейцерства, этот замысел через много лет отчасти и был осуществлен Киселевым. (*Киселёв Н.П.* Из истории русского розенкрейцерства. СПб.: Из-во им. Н.И. Новикова, 2005). Более подробно о мистических увлечениях Эллиса: *Renata von Maydell.* Vor dem Thore: Ein Vierteljahrhundert Anthroposophie in Russland. Freiburg, 2005. S. 103–112; Willich

H. Lev L. Kobylinskij-Ellis: Vom Symbolismus zur ars sacra: Eine Studie über Leben und Werk. München, 1996.

⁵⁹Бердяев Н. Самопознание. М, 1991. С. 193. „Уход“ Минцловой для Вяч. Иванова связывался исключительно с монастырским уединением. В составе его дневников, в записи от 6 сентября 1909 г. было опубликовано письмо к Минцловой: «Но в вопросе об уходе от земли личное (как например, о монастыре) решает личная воля, личное устремление: здесь между душой и Богом посредников уже нет» (Иванов Вяч. Собрание сочинений: в 4-х тт. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 801–802).

⁶⁰Письмо от 20.08.1910, из Курска // ОР РГБ. Ф. 109. К. 31. Ед. хр. 6. Вполне резонную версию «ухода» Минцловой приводит А.И. Серков: вероятно, она серьезно страдала сердечным заболеванием и предчувствовала близкую смерть. Впрочем, не проясненным остается факт отсутствия зафиксированных свидетельств о ее смерти (Серков А.И. Предисловие // Киселёв Н.П. Из истории русского розенкрейцства. . . С. 30–31).

⁶¹Маргарита Васильевна Волошина была близким другом А.Р. Минцловой. Кроме того, Минцлова была поверенной в ее сердечных делах как с Вячеславом Ивановым, так и с Э.К. Метнером. См. о сюжете Минцлова-Сабашникова-Волошин в работе: *Азадовский К. У истоков русского штайнерианства // Звезда. 1998, № 6.*

⁶²Письмо от 7.10.1910, Ассизи // ОР РГБ. Ф. 25. К. 2. Ед. хр. 6. Л 4.

⁶³Письмо от 27.09.1910 // ОР РГБ. Ф. 167. К. 2. Ед. хр. 17. Л. 1 об.

⁶⁴ОР РГБ. Ф.167. К.2. Ед. хр. 12. Лл 1–10 об.

⁶⁵Минцлова А.Р. Письмо к Метнеру Э.К. от 8/21.07.1910 // ОР РГБ. Ф. 167. К. 14. Ед. хр. 29.

⁶⁶Об этом свидетельствуют, например, письма Белого к Блоку от 1911 г. См.: Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919 / Публ., предисл. и коммент. А.В. Лаврова. М., 2001. С. 482–489.

⁶⁷Письмо от 7.02.1912 // ОР РГБ. Ф. 167. К. 7. Ед. хр. 17.

⁶⁸Белый А. Воспоминания о Штайнере / Подг. текста, предисл. и примеч. Фр. Козлика. Paris, 1982. С. 49. Ниже представлена запись из тетради Элліса (Эллис (Кобылинский Л.Л.). Записная тетрадь [1905–1908]. «Моя эстетика» // ОР РГБ. Ф. 167. К. 10. Ед. хр. 17. Л. 15), которая отражает своеобразный «мистический синкретизм», свойственный эстетике «младших» символистов. С одной стороны, это дантовские аллюзии – «борьба с адом», «служение Розе (высшей, мистической красоте)»; с другой – элементы «эстетической программы символизма» с его обращением к философским формулам Вл. Соловьева / Шеллинга – «синтез Добра и Красоты»; Достоевского – «учение о субстанциональности красоты»; «идея универсального синтеза» (Вл. Соловьев и Гегель); элементы ар-

гонавтической теургии – «идея магизма (т.е. мистического воплощения)»; это и увлечение культом Гекаты, откуда – «Сознание суверенности Сатаны».

«Миссия „рыцаря“

А. Борьба с адом.

Созерцание его, нисхождение / средства

В. Служение Розе (высшей, мистической красоте) /

созерцание рая (небесного)

Экстатич.[еское] просветление и озаренность

синтез добра и красоты (культ Прекрасного)

сознание суверенности Сатаны

С. Отрицание земли (компромисса между А и В)

ирония, сарказм / срединного

растворение „земли“ через символизацию и переход в А и В.

идея универсального синтеза.

идея полярности

идея магизма (т.е. мистического воплощения).

идея эстетизма, культ универсально-прекрасного.

учение о субстанциональности красоты»

⁶⁹ Андрей Белый и Александр Блок. . . С. 486.

⁷⁰ Силард Л. Роман Андрея Белого между масонством и розенкрейцерством Россия // Russia, № 3. Тоpиnо, 1977. То же под другим заглавием: Силард Л. Утопия розенкрейцерства в «Петербурге» Андрея Белого // Силард Лена. Герметизм и герменевтика. СПб., 2004.

⁷¹ Котрелев Н.А. Путешествие на восток // Восток–Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988.

⁷² Сведения о розенкрейцерстве Гете могли быть почерпнуты символистами не только из устных бесед с Минцловой, но могли опираться и на письменный источник, например, в 1907 г. на русском языке была опубликована лекция Штайнера: „Гете был посвященным, он принадлежал к тайному ордену розенкрейцеров и черпал вполне сознательно в духовном источнике“. (Теософия в Германии в конце XVIII и в начале XIX века: Речь доктора Рудольфа Штайнера на Теософическом Конгрессе в Париже 1906 // Труды Первого Всероссийского съезда спиритуалистов и лиц, интересующихся вопросами психизма и медиумизма, в Москве с 20 по 27 октября 1906 года. М., 1907. – Здесь цит по: Штайнер Р. Из области духовного знания, или антропософии: статьи, лекции и драматическая

сцена в переводах начала века / Сост., ред., комм. С.В. Козачкова и Т.Л. Стрижак. М., 1997. С. 177).

⁷³Именно поэтому Белый считал свою вторую, неопубликованную при жизни, часть «Заметок» – «Африканский дневник» чрезвычайно важной: в ней маршрут путешествия предстает в гораздо более полном и законченном виде, нежели в первом томе (См.: Белый А. «Африканский дневник» / Публ. текста [и вступ. ст.] С.Воронина // Российский архив. М., 1991. [Вып. 1]. С. 331–454.)

⁷⁴Белый А. Поэзия слова. О смысле познания. Пг.: Эпоха, 1922.

⁷⁵Белый А. Сочинения: В 2-х т. Т. 2. Проза / Сост. и подгот. текста В. Пискунова; коммент. С. Пискуновой, В. Пискунова. М, 1990. С. 443.

⁷⁶См. здесь письмо № 4.

⁷⁷В 1914 г. в издательстве «Мусагет» вышла книга Якоба Бёме «Аврора, или утренняя заря в восхождении» в переводе А.С. Петровского, который в предисловии указывает на слова, начертанные на могиле Бёме: «Из Бога родившийся, в Иисусе умерший, Духом Святым запечатленный» (См.: Вер Г. Якоб Бёме, сам свидетельствующий о себе и своей жизни (с приложением фотодокументов и иллюстраций). Челябинск, 1998. С. 65, 163).

⁷⁸Neue Lotus bleu // Вестник теософии. 1909, № 9. Предположительно автором статьи был Н. Боянус – теософ и переводчик трудов Р. Штайнера, печатавший свои работы в «Вестнике теософии» (Он, например, перевел книгу Рудольфа Штейнера: Очерк теории Гётевского мировоззрения, составленный, принимая во внимание Шиллера. Разрешенный автором пер. с нем. Н. Боянуса / Ред. пер., коммент. С.В. Казачкова. М., 1993.)

⁷⁹Штайнер Рудольф. Медитация Камня основы. М., 1997.

⁸⁰Воспроизводится и цитируется по изд.: Штайнер Р. У врат посвящения: Розенкрейцерская мистерия / Пер. А. Белого; публ., примеч., послесл. С.В. Казачкова. // НЛО. 1995, № 4–5. С. 71.

⁸¹М. Карлсон неверно расшифровывает эту аббревиатуру как «International Secret Society of Rosicrucians»: Carlson M. Ivanov-Bely-Minclova: a mystical triangle // Cultura e Memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov. Vol. 1. Firenze, 1988. Эта формула вообще имела вполне легализованное хождение в кругах лиц, близких к антропософии. Например, в письме к Э. Метнеру от 8.10.1912 супруга Андрея Белого – Анна Тургенева пишет: *«Надеюсь очень, что когда-нибудь вы с Борей встретитесь по-настоящему. Когда он мне рассказывает про ваше с ним прошлое, где столько хорошего, то мне кажется, что прошло время тезы, проходит антитезы, когда-нибудь да придет же синтез. Не в смысле каком-нибудь философском (в философии я ни черта не понимаю), а в смысле*

E. D. N.

Ж. С. М.

Р. S. S. R» (ОР РГБ. Ф.167.3.25. Л. 4 об.)

⁸²ОР РГБ. Ф. 25. К. 16. Ед. хр. 2. Л. 14.

⁸³Впрочем, нельзя исключить и того, что «третьим», использовавшим розенкрейцеровскую формулу, был Эмилий Метнер (см. примеч. 81)

⁸⁴Текст письма приводится целиком в кн.: Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. . . С. 76.

Е.В. Глухова

Анна Рудольфовна Минцлова – Андрею Белому

1.

2 февраля 1909.¹

Дорогой Борис Николаевич.

В конце этой недели я уезжаю за границу (на некоторое время). В Германию², прежде всего. И т.к. я не очень точно уверена, *когда* я вернусь, я бы хотела увидеть Вас перед отъездом моим, проститься с Вами. Если Вам это возможно – зайдите к Кл<еопатре> Петр<овне>³ от 6–8 вечера в эту среду? Мой привет Вам. Александре Дмитриевне⁴ мой искренний привет.

До свидания, А. Минцлова.

¹В заметках «Касания к теософии» Белый пишет о 1909 г.: «Близость с Минцловой, Вячеславом [Ивановым], теософский кружок.» (Андрей Белый и антропософия / Публ., коммент. Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 9. – М., 1990. Минувшее. Вып. 9. . . . С. 450). близкое общение началось с января 1909 г., а именно 17 января, когда обЕлый читал в Петербурге

лекцию «Настоящее и будущее русской литературы», после которой отправился на Башню к Вяч. Иванову (см. об этом: Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999. – С. 68 и далее).

²В Германию Минцлова отправилась для посещения лекционных курсов Рудольфа Штейнера. Крайние даты поездки Минцловой в Германию можно установить по ее письмам к Вяч. Иванову: это начало февраля – середина мая 1909 г.

³Клеопатра Петровна Христофорова (?–1934) – теософка, ею был организован в Москве «теософский кружок». По свидетельству Белого, он «познакомился с ней в начале 1893, в тот период, когда ее сыновья входили в его „детское общество“». (Минувшее. Вып. 9. . . С. 462. Там же были опубликованы два письма Белого к Христофоровой: [Белый Андрей] Два письма К.П. Христофоровой / Публ., коммент. Дж. Мальмстада // Минувшее. Вып. 9. . . С. 468–469). На осень 1908 приходится его посещения кружка Христофоровой (Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества / Сост. Лавров А.В. // Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сб. М., 1988. С. 782) О Христофоровой см. также: Белый Андрей. Начало века. М., 1990; Carlson Maria. „No religion higher than truth“: a history of the Theosophical movement in Russia, 1875–1922. – Princeton, 1993.

⁴Александра Дмитриевна Бугаева (урожд. Егорова) (1858–1922) – мать Бориса Николаевича Бугаева. С Минцловой была знакома давно, судя по воспоминаниям Белого; в общий круг из знакомых входил, например, Сергей Иванович Танеев – композитор, профессор Московской консерватории.

2.

6 июня 1909.

Ночь, Петербург¹.

Дорогой, милый Борис Николаевич

Я не могла написать Вам все это время, хотя думаю о Вас беспрестанно, с большой любовью и радостью. Наши встречи в Москве были до такой степени решающие и окончательные, что *после* этого, трудно писать².

На миг хочется послать вам эти несколько строк, перед моим отъездом в Финляндию³ – всего на 2–3 дня, этот «отъезд» – но почему-то мне хочется *именно сейчас*, написать Вам, сказать Вам несколько слов привета и радости великой ___

О Вячеславе, не пишу ничего⁴. Он Вам сам напишет, вскоре, и Вы знаете, ведь, что *о нем* нельзя ничего *говорить*, его надо увидеть, знать и любить. Все те, кто говорят о нем – говорят, так или иначе, неправду о нем... Вы – один из немногих (или быть может и единственный даже?) кто *увидел* Вячеслава. Ваше письмо произвело на него огромное впечатление⁵.

Он хочет, он должен Вас увидеть вскоре, на днях, он хочет Вас позвать сюда, в Петербург⁶.

11-го утром я надеюсь вернуться в Петербург. Напишите мне по адресу Вячеслава – Таврическая, 25, кв. 24⁷.

Люблю Вас всем сердцем. Благословляю Вас, Крестonosец, друг и брат! „С нами Бог“.

¹ В публикации сохранены особенности датировок писем А.Р. Минцловой, которая часто отмечала время суток: «день», «вечер», «ночью».

² Об этих встречах в мае 1909 г. Белый вспоминал позднее в берлинской редакции «Начало века»: «... новое рыцарство – возникает <...> и нужно, чтобы в Москве, в Петербурге нашлись два лица, группирующих тех, кто себя свяжут братски, чтоб стать под знамена духовного света <...> я же – призван помочь: быть кристаллом, естественно вызывающим стяжанье людей; в Петербурге лицо уже есть; мы двое вместе с Минцловой образуем естественный треугольник для построения храма рыцарства <...>» (Цит. по: Богомлов Н.А. Ук. соч. С. 75). Ср. письмо с таинственными намеками, отправленное Белым Вяч. Иванову 30.03.1909:

«Дорогой, любимый Вячеслав!

Христос Воскресе! Прими эти несколько слов не как письмо, а как привет, как несколько дружеских слов, как знак того, что постоянно <?> ищу связь между нами, те слова, которые Ты мне сказал, свято помню, верю Тебе; мне радостно теперь, что во мне нет уже ни одного облака против Тебя, что уверен в Тебе до конца, что пути наши – вместе, что мы об одном; это я помню; хотелось бы *так* Тебя видеть, быть с Тобой (мне бы знаешь как надо с Тобой говорить, чтобы условиться; о *чем*, Ты сам понимаешь; во внешнем чувствую, я должен идти вместе с Тобою, не нарушая нашей гармонии с Мережковскими; мы теперь должны образовать одну крепость, *одно*. Милый, помни обо мне; помолись за меня; будни вместе. Христос с Тобой, дорогой мне Вячеслав.

Любящий Тебя Борис Бугаев.» (ОР РГБ, Ф. 109. К. 12. Ед. 29).

³Н.А. Богомолов приводит письмо Минцловой к Вяч. Иванову от 13.06. 1909, в котором она пишет о странном происшествии: о том, как ее украли некие оккультисты и насильственно переправили морем в Гельсингфорс. (Богомолов Н.А. Ук. соч. С. 78–80.) Данное письмо Минцловой к Белому подтверждает предположение Н. А. Богомолова о ее намеренной мистификации Вяч. Иванова, поскольку поездка в Финляндию ею планировалась заранее.

⁴Взаимоотношения Белого и Вячеслава Иванова, которые можно, пожалуй, охарактеризовать как дружбу-соперничество, в какой-то мере отражены в их неопубликованной переписке (конечно, значительно уступающей по объему переписке Белого с Блоком, Эмилием Метнером и Ивановым-Разумником). Отдельные аспекты сложных взаимоотношений двух поэтов рассматривались в следующих работах: West James. Russian Symbolists: A Study of Vyacheslav Ivanov and the Russian Symbolist Aesthetic. London, 1970; Heinrich A. Stammler. Belyj's Conflict with Vyacheslav Ivanov over War and Revolution // Slavic and East European Journal. V. 18, № 3, 1974; Roger Keys. Realists and idealists: the case of Viacheslav Ivanov versus Andrej Belyi. // Slavonica. v. 1 №. 2. 1994/95. P. 18; Конспект Вячеслава Иванова к лекции Андрея Белого из цикла «Теория художественного слова» // Русская литература, 2006, № 3. С.135–147. Обзор переписки Белого и Иванова был предпринят Ж. Нива в работе: Nivat G. Prospero et Ariel. Esquisse des rapports d'Andrej Belyj et V. Ivanov // Cahiers du Monde russe et soviétique, XXV:1 1984. P. 25–26; отдельные письма также публиковались: Roger Keys. Realists and idealists: the case of Viacheslav Ivanov versus Andrej Belyi. // Slavonica. v. 1 №. 2. 1994/95. P. 18; Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999; Глухова Е.В. Андрей Белый – Вячеслав Иванов: концепция духовного пути // «Башня» Вячеслава Иванова и культура серебряного века. СПб., 2006. С. 96–127; Е.В. Глухова. Письмо Андрея Белого к Вячеславу Иванову о докладе «Две стихии в современном символизме» // Из истории символистской журналистики: журнал «Весы». М.: Наука – в печати.

⁵Из сохранившихся в архиве Вяч. Иванова эпистолярном корпусе Белого (ОР РГБ, Ф. 109. К. 12. Ед. 29), возможно речь идет о следующем недатированном письме:

«Дорогой, глубоколюбимый Вячеслав,
пора – пора:

время не терпит; нам с Тобой надо видеться – пришла пора действовать.

Пусть Анна Рудольфовна Тебе передаст, что слова мои не грезы, не нервы, а твердая уверенность: имею Тебе сказать очень *многое и очень важное*.

С того разговора у Тебя все ждал Тебя – на расстоянии ждал; ждал – будет весть, будет знак; ни вести, ни знака не было.

Ну так я тебя зову: помни, что если пройдет время, если будет упущено

то, что мы двое или *трое* должны сказать друг другу (а потом от этого разговора многое может начаться) – будет поздно.

Жду Тебя для одного разговора втроем (Ты, Анна Рудольфовна, я): и *жду год*.

А потом – потом все станет труднее; дается помощь теперь, легче если теперь – *чтоб?*

Если Анна Рудольфовна сочтет нужным передать разговор наш, Ты узнаешь в чем дело. Нужен союз, обет, клятва молчания и знак: враги подступают. То, другое, третье, четвертое условие, чтобы *братья света и чаяния* – были, и чтобы тайно братья света сторожили святыню: и на страже братья света, как воины: *братья воины*.

Чтобы пришла благодать и освятила мечи, чтобы братья стали и *рыцарями*.

Для всего этого нужно, чтобы Ты и я встретились. А может быть (еще лучше) чтобы мы встретились в присутствии Анны Рудольфовны. нужно не единой волей не единым устремлением, а устремлением трех решений, что делать (у меня есть предложение).

Итак?...

Христос с Тобой, любимый брат

Борис.»

⁶По сведениям А.В. Лаврова, с мая по август 1909 Белый находился в имении Дедово (принадлежавшем А.Г. Коваленской, родственнице С.М. Соловьева), и лишь в августе периодически выезжал в Москву по делам, связанным с организацией издательства «Мусaget» (Лавров А.В. Андрей Белый.: Хронологическая канва жизни и творчества // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сб. М., 1988. С.783–784).

⁷Ныне – Таврическая 35 – адрес знаменитой «башни» Вячеслава Иванова – один из наиболее известных модернистских литературных салонов 1900-х. О башенной жизни см., например: Бердяев Н.Ивановские среды// Русская литература XX века. 1890–1910/ Под. Ред проф. С.А. Венгерова. Т. III, кн. VIII. М., [1917]. С 97–100; Белый А. [Воспоминания. В 3-х кн.] [Т.2.] Начало века. [Т.3.] Между двух революций / Подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М. 1989–1990 (далее – Белый. Воспоминания). Столетию «башни» была посвящена конференция 2005, проходившая в Санкт-Петербурге, по итогам которой вышел сборник: Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб, 2006.

3.

17 июня 1909.

Петербург.

Борис Николаевич,

какой великой радостью было для меня это письмо Ваше, этот светлый клич о далекой, радостной победе, о Выступлении белых полков – потому что уже началось то, что имеет быть.

Всем сердцем, всей душой приветствую Вас, братья! Еще немного ждать Вам – и придут те, кто уже и теперь с Вами, только не на земном плане еще. Ныне свершается великий бой, решительный, в сфере иной – в том мире, который особенно близкий Вам, Андрей Белый, – в мире звездном, в астральном свете___

И медленно, тихо спускается теперь к нам из Вышних Небес, еще незримая, но уже с нами присутствующая – Сила Господня___

Вы знаете молитву о „Свете Тихом, святые славы“¹ – это лестница звуков, спускающихся сверху вниз, от мучительного сияния и восторга первых нот, до последних глубин воплощения, к телесному___

Как мне легко с вами говорить. Сейчас. Точно взломился лед, скользящий меня, и освободилась речь моя, и вскрылась дремучая река, смутная и тяжелая – я думаю вслух, с Вами. Я говорю с собой, и при этом, радость полноты, потому что слышит это – другой, близкий.____

Вячеслав *весь* с Вами всецело. Сейчас у него очень трудный момент – крайне тяжелый и великий. И сам он – весь в свете, весь освященный и преображенный, претворивший себя самого в Высшее, в сущность иную и неизреченную. Он Вам напишет, на днях.

Он в глубоком восторге от Вашего „Серебряного Голубя“² – я еще не могла прочесть его, но те немногие страницы, что я успела увидеть, и мне кажутся необычайными по силе и красоте.

Да. . . Рубикон перед Вами – но уже брошен жребий, Вы уже переходите Рубикон, Вы уже за гранью мира. . . Не отходите друг от друга, не размыкайте рук, не отводите глаз и души друг от друга, будьте вместе, бодрствуйте и <чрзб.> и убирайте, Выметайте горницы Ваши, дом Ваш, так, чтобы можно было радостно встретить там имеющего придти___

Милый, сейчас надо кончать письмо. Эти дни у меня очень трудные и напряженные – быть может, мне придется поехать не в Саров³, а

на несколько дней за границу, именно для скорейшего выяснения и выявления всего, что принято сейчас, что уже готово. Еще дней 10 я остаюсь здесь, в Петербурге.

В Сарове буду непременно, и, быть может, мы с Вами вместе поедем туда в конце июля⁴. Все что будет, сейчас, благословенно и радостно. . . Вы знаете ли, мне все-таки пришлось сейчас, теперь, здесь – вступить в борьбу с «востоком», пришлось отбивать от них душу, живую – хотя это и безрассудно, т.к. «не время еще», но иначе я, не могла поступить, не сумела ___

Пока все идет хорошо и верно ___

Знайте, что ваше письмо дало мне огромную поддержку и помощь, именно в этот момент. Благословляю Вас. Если уеду за границу, перед этим заеду в Москву, и, по дороге увижу Вас. Извещу Вас!

Передаю Вам, сейчас, священные Слова, основание и знак Ваш:

Ex Deo Nascimur

In Christo morimur

In Spiritu Sancto Renascimur.

E.D.N. / I.C.M. / I.S.S.R⁵.

До свидания. Всем сердцем обнимаю Вас,

А.Р. М.

¹Православная молитва, читаемая во время Всенощного богослужения, которое совершается вечером накануне особо чтимых праздничных дней. Далее Минцлова описывает акустический эффект, возникающий от прослушивания церковного песнопения «Свете тихий святые славы»: многоголосное пение создает ощущения снисхождения Святого Духа к слушающему. О значении молитвы «Свете тихий» в культуре русского символизма – доклад Н.В. Котрелева «Греческий источник в культуре русского символизма», который состоялся на Международном семинаре «Европейский символизм в XX веке», проходившем 11–14 мая 2003 г. в Еврейском университете в Иерусалиме.

²Повесть Андрея Белого «Серебряный голубь» публиковалась частями в журнале «Весь» за 1909 (№ 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 12). Отдельное изд.: Серебряный голубь: Повесть в 7 гл. / [Предисл. авт.]. – М.: Скорпион, 1910. Поздняя реакция Вяч. Иванова на повесть была далеко не восторженной; в рецензии на роман «Петербург» он писал: «Его „Серебряный Голубь“ в моих глазах – метафизическая клевета на подспудное творчество взыскующих Града в народе нашем, на

тайное темное богоискание народной души. В белую Фиваиду на русской земле поэт, я знаю, верует; но чаемое солнце, по его гороскопам в „Серебряном Голубе“, взойдет все же с Запада.» (Иванов В.И. Собр. Соч.: в 4-х тт. Т. ? . С. 620)

³Об особом отношении Белого к Сарову и Св. Серафиму Саровскому см.: Malmstad John E. Andrey Belyand Serafimof Sarov // Scottish Slavonic Review.1990. Vol. 14. P.21–59; Vol. 15. P. 59–102.

⁴Совместная поездка Минцловой и Белого в Саров, судя по всему, не состоялась.

⁵Н. Боянус, в статье „Neue Lotus bleu“ (Вестник теософии. 1909, № 9) впервые опубликовал на русском языке девиз средневековых розенкрейцеров „Ex Deo nascimur. In Jesu morimur. Reviviscimus per Spirtum Sanctum“ – „От Бога рождаемся. Во Христе умираем. Воскресаем в Духе Святом.“ (О Боянусе см. в коммент. к кн.: Штайнер Р. Очерк теории Гетевского мировоззрения – составленный, принимая во внимание Шиллера. Разрешенный автором пер. с нем. Н. Боянуса/ Ред. пер., коммент. С.В. Казачкова. М.,1993. С.103). Ср. аналогичное РК изречение, использованное Штейнером в „Медитации Камня Основы“ (1 янв. 1924 г.): „Ex Deo nascimur. In Christo morimur. Per Spiritum Sanctum reviviscimus“. (Штайнер Рудольф. Медитация Камня основы. М., 1997) В кн. „О смысле познания“ (1916) А. Белый использует данную РК формулу, причем в переводе именно с варианта, данного ему Минцловой: „Мы – в Боге родимся. Во Христе – умираем. И – восстаем в Святом Духе.“ (А. Белый. О смысле познания. Минск, 1991. С. 63.). В этот период Белый подписывал свои письма к Метнеру „I.S.S.R“. М. Карлсон неверно расшифровывает эту аббревиатуру как „International Secret Society of Rosicrucian“.

4.

14 июля 1909.

Дорогой, милый Борис Николаевич.

Пишу Вам несколько строк всего – я не уверена даже, застанет ли Вас это письмо, и где Вы сейчас, не знаю¹____

Я думаю уехать из Петербурга, 20 июля на несколько дней, в Москву, по пути в страны иные – мне было бы *необходимо* Вас увидеть, именно сейчас, теперь, в это мгновение. Если Вы еще здесь, в Крюкове – я тогда могу остановиться на один день, по дороге, в Новом Иерусалиме – это вероятно близко от Вас, да? Мне надо говорить с Вами и сказать – я

Вам писала, недели 2–3 тому назад, но с тех пор многое еще изменилось и все огорчительные <нрзб.>

Дорогой мой, я часто и много думаю о Вас. Я радуюсь глубоко оттого, что увидела Ваш лик, истинный, оттого что поняла Вас, до конца

Напишите мне *сейчас же*, немедленно, как получите это письмо моё – напишите мне по этому же адресу (Петербург, Таврическая 25. кв. 24, В. Иванова). Скажите, исполним ли этот план и желание, в сфере физической?

Если нет – т.е., если нельзя нам увидеться в Крюкове – тогда, скажите мне, где и как нам встретиться, сейчас? В области «устройства» всякого, земного, я ведь очень, очень слаба, и неумелая---

Очень люблю Вас. Жду ответа, отклика. И верю Вам, как и люблю, всегда – безусловно, вполне, всей силой и радостью моей---

А. Минцлова.

¹ Андрей Белый в июле 1909 г. находился в Дедове. В письме к Иванову он писал: «Мой адрес до 6-го июля по Никол. Жел. дороге станция Крюково, Сельцо Дедово, имени А.Г. Коваленской.» (ОР РГБ. Ф. 25. К. 12. Ед. 29).

5.

июля <1909>

Петербург.

Дорогой мой, близкий и родной мне, Борис Николаевич, спешу ответить Вам сейчас же, как только получила Ваше письмо--- Я думаю Выехать 21 или 22, из Петербурга – и, если бы Вы могли, я очень прошу Вас 23-го быть в Москве – это *наверное*, потому я <нрзб.> этот день хотя быть может, я и 22 буду уже в Москве – остановлюсь я у Сабашниковых¹, их адрес: Малая Дмитровка, Настасьинский переулок, д. Крюковой, кв. Сабашниковых.

В квартире есть телефон. Я пробуду там несколько дней, потом буду у Кл<еопатры> Петр<овны>. Милый, дорогой мой, прошу Вас, придите ко мне, 20 в, 3 часа дня – туда, по этому адресу, т.к. я *очень* плохо

себя чувствую, и мне тяжелы всякие передвижения и кроме того, нам вполне возможно будет говорить там, у меня, т.к. весь этот дом пустой, теперь – кроме М.А. Сабашниковой², которая все время и силы свои отдает на то, чтобы отбивать от смертной казни людей ___

Пишу Вам только *эти* слова, пока – слова о том, что внешнее, физическое, *нереальное*. О *главном* мы с Вами поговорим вскоре, при свидании, которое уже при дверях. Настолько важно и решительно то, что надо сказать Вам, что невозможно об этом начать говорить, издали. Могу сказать одно только – что я чувствую Вас, неотступно, вблизи себя. Верю Вам бесповоротно, навсегда. И люблю Вас больше, чем могу сказать Вам, т.к. у меня нет слов, для этого ___ Великая радость во мне, о Вас и через Вас, через эту нечаянную встречу с Вами ___ Пишу в минуту странной усталости (физической); от которой погасают слова, <нрзб.> всегда, у меня ___

Посылаю Вам свой глубокий привет, свою любовь, как улыбку последнюю, когда уже нет слова.

Господь да хранит Вас! Христос с Вами.

А. Минцлова.

Сейчас дивный рассвет – какие-то волшебные облака, как розовые дворцы.

¹Минцлова была дружна с семьей Сабашниковых с 1890-х. Маргариты Васильевны Сабашникова вспоминала, что она была хорошей подругой ее тетушки со стороны матери – Екатерины Андреевой-Бальмонт, с которой состояла в переписке. Минцлова оказала определенное влияние и на развитие духовных интересов Алексея и Маргариты Сабашниковых; с 1906 они совместно посещали лекционные курсы Штейнера; кроме того, принимала участие и в личной жизни М.В. Сабашниковой. (Об этом подробнее.: Волошина Маргарита (М.В. Сабашникова). Зеленая змея: история одной жизни / Перев. С нем. М.Н. Жемчужниковой. М., 1993; Волошин М. Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991; *Азадовский К.* У истоков русского штайнерианства // Звезда. 1998, № 6).

²Маргарита Алексеевна Сабашникова (1860–1933), урожд. Андреева, мать М.В. и А.В. Сабашниковых. (О ней см.: Волошина Маргарита. Зеленая змея: история одной жизни. М., 1993.)

6.

20 июля 1909.

Дорогой Борис Николаевич

Только что послала Вам письмо, а полной уверенности, что могу быть 23-го в Москве – нет¹.

Теперь оказывается, что разные осложнения и тяжелые события, касающиеся *других* людей (*лично* меня ведь ничто не касается!) – могут меня задержать на 2–3 дня еще, в Петербурге.

В Москве мы увидимся – это непременно___ Мой привет Вам.

А. Минцлова.

¹Минцлова выехала из Петербурга 22 июля – ср. запись в дневнике М.А. Кузмина за 22.07.1909: «Ан<на> Руд <ольфовна> так быстро уехала, что я не успел с ней даже проститься». (Кузмин М.А. Дневник 1908–1915/ Подгот. Текста и коммент. Н.А. Богосолова и С.В. Шумихина. СПб., 2005. С. 154.)

7.

23 июля 1909.

Москва.

Дорогой Борис Николаевич,

я здесь, в Москве – приехала сегодня утром¹___

Получили ли Вы мое письмо из Петербурга? Пробуду здесь еще дней 5. (Адрес мой: Малая Дмитровка, Настасьинский пер., д. Крюковой, кв. Гофман (или Сабашниковых)). Все равно когда, я свободна все время

Мой привет Вам Нам надо увидеться эти дни.

А. Минцлова.

¹В тот же день А.Минцлова в письме к Вяч. Иванову сообщала: «Андрей Белый сегодня не был у меня – вероятно, мое письмо к нему опоздало (так часто бывает в дачных местах под Москвой). Но я его все равно увижу теперь и завтра ему телеграфирую.» (Цит. по: Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999. С. 76). В этом же письме Минцлова приводит выдержки из письма Андрея Белого к ней – других писем Белого к Минцловой не сохранилось.

8.

23 июля 1909.¹

Ночью, Москва.

Дорогой Борис Николаевич.

Сегодня я приехала в Москву. Пробуду здесь неделю. *Когда и как* нам увидеться? Через 5–6 дней поеду к Кл<еопатре>Петр<овне> на дачу. А пока, эти дни, я здесь; в Москве – Малая Дмитровка, Настасьинский пер., д. Крюковой, кв. Сабашниковых.

Чувствую себя очень утомленной. Я Вам написала из Петербурга. Мой привет Вам. Не пишу, потому что жду Вас.

А. М.

¹Одинаковая датировка этого и предыдущего письма объясняется, по-видимому, тем, что Минцлова послал одно из них по городскому адресу Белого, а другое – в Дедово, где он гостил летом 1909 (см. примеч. письмо № 3).

9.

28 июля 1909.

Москва.

Дорогой Борис Николаевич.

Очень боюсь, что не увижу Вас теперь перед отъездом моим за границу (я еду в субботу или воскресенье). Мне это было бы *очень* тяжело, т.к. это свидание, именно сейчас, очень необходимо. Но... что делать! Я Вам два раза писала из Москвы, где я уже 5 дней.

У меня есть к Вам письмо от Вячеслава¹, и его книга «По звездам»², которую он посылает Вам, через меня. Если мы не увидимся, я тогда эту книгу и письмо Вячеслава перешлю к Вам на городскую квартиру.

Привет Вам. Да хранит Вас Бог.

А. Минцлова.

Мой адрес в Москве, пока, эти дни: Тверская, Настасьинский пер., д. Крюковой, кв. Сабашниковых.

¹ Сохранилась телеграмма от Вяч. Иванова – к Белому, отправленная из Санкт-Петербурга 21 июля (т.е. когда Минцлова еще не выехала в Москву) и подписанная аббревиатурой ИСМ, которая расшифровывается как In Cristo Morimur (см. здесь письмо № 4): «Милый брат, я услышал твое слово, ответить ему не словами можно. С тобой любовь моя и радость моя. Вячеслав. И.С.М».

² Иванов Вячеслав. По Звездам: Статьи и афоризмы / Рис. обл. М.В. Добужинского. – СПб. : Оры, 1909

10.

30 августа 1909.

Нюрнберг¹.

Дорогой Борис Николаевич.

Я уже 3 дня пока здесь, теперь . . .

Через несколько дней напишу Вам подробное окончательное письмо. Сейчас – еще не все, не все еще готово. . . Сегодня, когда я думала еще, что возможно, немедленное и бесповоротное___ пришла телеграмма от К<леопатры> П<етровны>, о которой я, все это время, недостаточно думала. . . Сейчас я буду ждать известий от нее, и поеду с ней в Базель², – если надо – и она (бы) увидела Д-ра³. . . Борис Николаевич, я не могу, не умею Вам сказать, как *страшно* сейчас все то, что происходит___

Сейчас я хотела бы очень, чтобы К<леопатра>П<етровна> вошла в непосредственное отношение к Шт<ейнеру> – это может спасти ее. Любимый друг мой, мой разговор с Вами – еще впереди. Еще я не знаю

точно, как это сбудется, но я *знаю*, что с Вами <нрзб.>, и с Вами *свет* будет... Посылаю Вам портрет Д-ра⁴, один из лучших его портретов ___ *теперь*, эти портреты изъяты из продажи ___ я его получила особенным образом, в силу *особых* условий в Мюнхене⁵ ___ Напишу вам *как только* определятся внешние условия и обстоятельства, окружающие меня, <нрзб.> меня.

Думаю о Вас, с непрерываемой любовью ___
Ave, Frater.
A.P.M.

¹ В письме к Э.К. Метнеру от августа 1909 Белый писал: «... сейчас недалеко от Нюрнберга происходит нечто важное 1) для России 2) для нас, если Вы помните наши разговоры перед отъездом» (ОР РГБ. Ф. 167. к. 2, Ед. 3). Судя по всему, Минцлова действительно находилась в Нюрнберге, минуя лекционные курсы Штейнера; возможно Белый намекает на посещение Минцловой на некоего конгресса маринистов..

² В сентябре 1909 в Базеле Штейнер читал курс лекций для членов Антропософского общества «Евангелие от Луки» (Das Lukas-Evangelium. Basel, 15–26.09.1909 (Zyklus 10).

³ Речь идет о Рудольфе Штейнере. Ср.: Стоит заметить, что, называя Штейнера доктором, его немецкие и русские последователи пользовались этим обозначением неодинаково – в частности, из-за различия в традициях словоупотребления: для немца „доктор“ это в первую очередь носитель ученой степени, для русского – врач.» (Рената фон Майдель. «„Спешу спокойно“: к истории оккультных увлечений Элвиса // НЛЮ, 2001, № 51.)

⁴ Супруга Белого, Анна Тургенева, вспоминала, что портрет Штейнера был ему передан Христофоровой: «Вот посмотрите, – говорил он, – я вчера получил эту фотографию от теософки Клеопатры Петровны Христофоровой. Это немецкий ученый, он утверждает, что можно научным путем подойти к духовному миру» (Тургенева А. Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Мосты. 1968. № 13–14. С. 239)

⁵ Возможно, Минцлова получила от Штейнера портрет на прослушивании курса лекций для членов Антропософского общества «Восток в свете запада. (Дети Люцифера и братья Христа)», который состоялся в Мюнхене с 23 по 31 августа 1909 (Der Orient im Lichte des Okzidents. (Die Kinder des Luzifer und die Brüder Christi). München, 23–31.08.1909 (Zyklus 9).

11.

12/25 сентября 1909.

Базель¹.

Дорогой Борис Николаевич.

Все время хотела говорить с Вами, хотела написать Вам___ Но нет ни одной секунды спокойной и свободной – и ночью, теперь уже не могу писать, т.к. слишком устаю к ночи. . . Кл<еопатра> Петр<овна>Вам расскажет обо мне, о Базеле_____

Напишу Вам очень большое, необходимое письмо. Андрей Белый, как много мне надо сказать Вам! Думаю о Вас постоянно. Посылаю Вам привет свой, любовь мою и нежность, которая теперь навсегда, навеки с Вами. Да хранит Вас Бог!

Я увижу Вас очень, очень скоро __ _

Никогда и ничто уже не разлучит нас. Моя душа увидела Вас. Этот взгляд – непрерываем, я его не отвожу от Вас, от этого Лица, когда я впервые увидела Вас – хотя так часто смотрела на Вас.

Кончаю письмо – вернее сказать, прерываю его, т.к. меня зовут. До свидания. Помните, что для меня, эти последние встречи с Вами – были великой радостью и счастьем несказанным.

А.Р.

Я задыхаюсь здесь, в Швейцарии.

¹См. примеч. к письму № 10.

12.

29 октября <1909>¹

Четверг, ночью.

Борис Николаевич,

пишу Вам еще раз сегодня, через 2–3 часа после того, как Вы ушли. В третий раз сегодня говорю с Вами. Я бесконечно счастлива, я благодарю Бога за то, что я увидела Вас – и что голос мой, глухой

и невнятный – услышали *Вы*. О многом еще мы должны говорить. Вы спросите меня обо *всем* – я Вам отвечу, я Вам скажу. Мне хочется сказать Вам еще сейчас, немедленно, несколько слов, пока не погасли еще отзвуки Вашего присутствия здесь, в этой комнате, где я Вас жду в воскресенье, в 12 ч. дня – да?

У меня огромное могущественное впечатляющей силы царственной от этих часов с Вами! Вы надели на палец руки своей „золотое кольцо“. Вы знаете ведь этот символ мистического обручения Земли и Неба ___ На каждую из страстей и *сил* Земли должно быть надето „Золотое кольцо“ миров нездешних. На „гнев“ должно быть надето „Золотое кольцо“ грани нежности, улыбка ласки ___ и т.д. и т.д. И вот, *теперь*, я увидела на Вас, это золотое кольцо, обручальное <нрзб.> и Давно Прекрасным ___

Люблю Вас. Всем сердцем с Вами, неразлучна ___ с Вами.

А.Р.М.

Жду Вас в это воскресенье. Кл<еопатра>Петр<овна>, которая *очень* волнуется все это время – сейчас вошла ко мне, когда я писала Вам, – она очень мучается сейчас от того, что она сказала Вам в минуту, когда Вы уходили от меня – „пошлость“ как она называет это... Ее это очень огорчило... Я ее успокоила, конечно ___ Никакие пошлости теперь не могли бы нас с Вами разъединить, а ведь ___ это *не* была пошлость... Это было волнением души, чуткой и потрясенной <нрзб.> не знает ни звука о том <нрзб.> сегодня – мой привет Вам...

До воскресенья, в полдень.

¹Письмо датируется предположительно; согласно Вечному календарю 29 октября выпадало на четверг в 1909 г.

1 ноября 1909.

Дорогой Борис Николаевич.

Пишу Вам несколько слов только, чтобы сказать Вам, что я несколько, никаким образом не «в претензии» на Вас. . . Я слишком хорошо знаю, как мучительно трудно иногда устраиваться со временем и пространством!

И вообще, дорогой Борис Николаевич, мне хотелось бы установить как правило неизменное в наших отношениях: абсолютная свобода, и никогда, никакое стеснение не должно быть¹.

Я буду все это время, от 3–6 часов, здесь, дома – и когда только захотите и возможно Вам будет – придите ко мне. Все дни – и вторник тоже, конечно! Я буду в эти часы дома. И буду счастлива увидеть Вас. Теперь я буду уже гораздо спокойнее. Сегодня был для меня день особенной важности, знаменательный и страшный. Слава Богу, он прошел уже. . . Какое великое благословление Бога – в этом движении, прохождении во времени, в этом освобождении ___

Вы пишете о <нрзб.> Мне хотелось бы сказать Вам несколько об этом, величайшем из звездных начал, прикасающихся лишь к душе человека. Но об этом – потом. Сейчас, я устала до последней степени, и должна кончить письмо, едва начав его ___

До свидания. До вторника, да?

А. Минцлова.

Но если бы Вам оказалось трудно придти во вторник – приходите когда хотите.

¹Несколько позже, 4 ноября, Минцлова писала Вяч. Иванову о своей жизни в Петербурге: «Сейчас мне очень хорошо в Москве. Я окружена большой любовью, которая очень помогает мне. Андрей Белый очень много сил и радости дал мне эти дни. В Москве вдруг вспыхнула и загорелась странная, глубокая жизнь теперь. Возвращаются назад тени прошлого. Век Новикова воскресает. . . Моя встреча этой весной с А.Белым не прошла бесследно. Об этом я расскажу вам при свидании, или А. Белый, если он раньше меня приедет в Петербург, он собирается очень скоро туда. Быть может, со мной». (Цит. по: Бгомолов Н.А. Указ соч. С. 92)

9 ноября 1909.

Петербург.

Борис Николаевич, дорогой,
Пишу вам несколько слов всего, т.к. почти невозможно говорить уже.

Если можно, придите ко мне сегодня, (3–6 ч) мне надо сказать Вам несколько слов.

День 8 ноября – День Архистратига Михаила¹ и Сил небесных – решил многое.

Я благословляю каждое мгновение идущее и грядущее, почти всегда неожиданное – все творилось и творится и посейчас как-то <страшно> помимо, помимо меня – хотя и через меня. . . И от *этого* я чувствую такую силу и поддержку, именно в Москве, сейчас ___

Да. . . сегодня решила окончательно, что я уеду в Петербург – числа 20 ноября. Хотелось бы знать, когда Вы едете туда?²

И еще собралось несколько вопросов – но это, лучше всего разрешить только при личном свидании нашем; слишком я устаю все время

Все же мне хочется сказать Вам – о той странной музыке, которую я все время слышу, за Вами – и благодаря которой мне так легко говорить с Вами.

Вы, конечно, знаете – глубже чем я могу сказать – о тайне музыки, лихорадки, – и облаков. . .

В Ваших стихах – *есть* эта тайна. . . безумно несущиеся, взволнованные, лихорадочные облака, напряженные, прислушивающиеся к песне Земли – и мелодии Лебеда, издали _ _

Нет, я не могу писать совсем. . . Я уеду в Петербург на месяц – и буду точно и неуклонно возвращаться в Москву, через каждый месяц.

Ну, да обо всем этом – при свидании, при очень, очень скором – <нрзб.>

А.Р. М.

Меня тревожит исчезновение Эллиса³. *Где он?* Я так утомлена и измучена сейчас, что не в силах начать искать его. . . Я не спокойна за него, т.к. я очень <устала?>.

¹Празднование Дня Архистратига Михаила по православному календарю (нов. стиля) приходится на 21 ноября. Однако в упоминании Минцловой, скорее всего, присутствует антропософская составляющая. Позднее этот праздник «обязательно отмечался в семье Бугаевых, причем по григорианскому, католическому (29 сентября), а не православному <...> календарю». (Спивак М. Л. Роман «Москва»: экзотика и эзотерика посвящения // Спивак М.Л. Андрей Белый – мистик и советский писатель. М., 2006. С. 225. Там же подробно рассматривается «михаилический» эзотерический шифр романа «Москва» в антропософском ракурсе).

²К сожалению, у нас нет точных сведений о том, что Белый был в Петербурге в декабре 1909, но вероятно, такая поездка была им запланирована (см. примеч. к письму № 13). Ср. в его письме к Вяч. Иванову от 31.11.1909: «Может быть буду до рождества, конечно, есть и дела. Но есть и просто желание Тебя видеть, ну, просто, улыбнуться Тебе».

³Эллис (Лев Львович Кобылинский) – его взаимоотношения с Минцловой с самого начала складывались чрезвычайно неровно. В дневниковой записи Э.Метнера от 17 января 1911 г. отмечено мнение Минцловой об Эллисе, записанное со слов А. Белого: „А.Р-а о близких: Нилендер и Эллис одержимые и одержащие: Нилендер заражен Гекатой. Эллис проходит двор темных, а светлые задержаны прохожими (Метнер Э.К. Из высказываний А.Р. Минцловой, запись от 17. 01.1911 // РО РГБ. Ф. 167. К. 22. Ед. 18. Л. 1–2.) – ср. в „Воспоминаниях о Блоке“: „Медиумизмом охвачен был Эллис; одна теософская дама так выразилась об Эллисе: „Проходной двор для темных, где светлые все – позадержаны: темным проходом“ - „правильно выражалась теософка, что он – проходной двор для темных, где светлые были задержаны: темными.“ (Белый А. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 339). В одном из недатированных писем к Белому (возможно 1909?), Эллис делился своими впечатлениями от встречи с Минцловой: «Конечно, А. Рудольфовна сама по себе и по тому источнику, который стоит за ней – абсолютно настоящая, но она окружила себя <нрзб.> „почти“, которые лет в 5 окончательно дискредитируют идеи мистицизма и теософии. Повторяется и здесь история с символизмом. А<нна>Р<удольфовна> – настоящая, но Эртель – „почти честный“ человек, К<леопатра>П<етровна> „почти умный“, Нина Валентиновна „почти влиятельный“, Писарева „почти порядочный“ (носят истории с плагиатом у Батюшкова), а Батюшков „почти интеллигент“, В.Иванов (хотя я теперь лично изменился к нему) много в себе заключает „почти“, Волошин, кото-

рый тоже „окультист“ „почти“. Остается только Чулкову стать розенкрейцером или гроссмейстером ордена. Для меня же всего ужаснее великие „почти“. <нрзб> лжецов, хулиганов, идеалистов я принимаю, но каши из Штайнера, Кистяковско-го, Эртеля, Батюшкова и Гете я не принимаю. И до времени я сохраняю свою демоническую, безысходную, но абсолютно – благородную и чуждую всяких „почти“ маску. Если бы все эти каши, именуемые теософией, были уничтожены бесследно и началось совершенно новое, чистое, лишенное „почти“ и благородное дело, я пошел бы на костер, но . . . Я не могу <жить?> среди конгломерата из истинных служителей и сомнительных полу-людей, которые в душе к тому же лгут друг другу. Целомудрие моей души мне этого не позволяет.» (ОР РГБ. Ф. 25., К. 25, Ед. 31, Л.42). – Об Эллисе, в связи с розенкрейцеровским сюжетом, кроме указанных в примечаниях к письмам работ см. также: *Renata von Maydell. Vor dem Thore: Ein Vierteljahrhundert Anthroposophie in Russland.* Freiburg, 2005; Willich H. *Lev L. Kobylnskij-Ellis: Vom Symbolismus zur ars sacra: Eine Studie Über Leben und Werk.* München, 1996; Нефедьев Г.В. Русский символизм: от спиритизма к антропософии. Два документа к биографии Эллиса // НЛО. 1999. № 39 (последняя статья серьезно критикуется в работе Майдель – указ. соч. в НЛО).

15.

16 ноября 1909¹.

Понедельник.

Дорогой Борис Николаевич.

Не могу не написать Вам сейчас же после того, как я прочла сейчас и случайно – Вашу статью в «Весах»__ о «штемцелеванной культуре»²_ Я потрясена глубоко, ею. . . Вообще, как Вы знаете, я не люблю «журнализма». Но *здесь*. . . я встретила самую заветную мысль свою, самое строгое и серьезное по вопросу, который *для меня* – и для других еще, стоящих за мной__ является *коренным* сейчас, в русской жизни (Азеф – еврей). . . И Вы сказали это с таким благородством и строгостью, так спокойно и сдержанно__ как *никогда* не сказала бы я. . . не *смогла* бы сказать, т.к. слишком страстно и горячо отношусь к этому – Но Вы – именно сказали *так*, как должно. . . Эта тонкость, это «рыцарство» – в требовании *«полноправия»* для евреев, которое *освободит* нас, Арийцев, разомкнет уста наши__

Андрей Белый, я считаю эту Вашу статью – истинным *подвигом*, первым актом рыцаря Славянства. Но берегитесь теперь... Мне жаль, что я не знала раньше об этой статье Вашей. На Вас поднимутся теперь все темные силы России (ведь именно *евреи* позвали монголов, японцев –) – С Вами Бог! Люблю Вас, и счастлива бесконечно, что мне пришлось увидеть *эти* слова, теперь, в печати – именно *эти, так* Высказанные слова правды и *прозрени*; и « такта » оккультного... Да... это ___ *иной* народ, чем мы.

А.Р. М.

Я уезжаю в Петербург в *это* воскресенье, 22 ноября – в 8 ч. вечера _ _ пробуду месяц в Петербурге.

¹Это письмо цитировалось и публиковалось, насколько нам известно, по крайней мере пять раз: Постоутенко К. Н.К. и Э.К. Метнеры: парадокс национальной самоидентификации (к публикации неизвестного письма А.Белого) // *Опыты*. 1994. № 1 (то же: De Visu. 1994. №1–2 – « К истории одного письма А.Белого»); Безродный Михаил. О «юдобоязни» Андрея Белого // *НЛЮ*, 1997, № 28; Богомолов Н.А. Anna-Rudolph // *НЛЮ*, 1998, № 1 (29) (то же в кн: Богомолов Н.А. указ. соч. С.73–74).

²Речь идет о статье: Бугаев Борис. На перевале. XIV. Штемпелеванная культура // *Весы*.1909. № 9. О проблеме антисемитизма в работах Белого см. библиографию, приведенную в предыдущем примечании.

16.

17 ноября 1909.

Ночью, Петербург.

Дорогой Борис Николаевич.

Пишу Вам несколько слов о Петровском¹ – мы с ним говорили долго... Он на меня произвел очень неожиданное впечатление, *совсем* не то, что я думала... Но безусловно – *да*, ему сказала я... Все же, чтобы вполне освоиться с этим, я хочу еще, эти дни подумать о нем – и еще раз, перед моим приездом в Петербург – увидеть его, и поговорить с Вами, о нем, я слышала от 3 лиц, до этой встречи с ним – <*нрзб.*> от П.Н. Батюшкова²; от Кл. Петр³;; от Вас ___

Я должна сказать, Борис Николаевич, дорогой – *никто* из этих трех лиц, и *даже* и *Вы*, не дали мне представление об этом человеке. . . Узор души его мучительно сложен, и очень запутаны нити все, жизни его –

Но я . . . *принимаю его*. Я чувствую, *где* рана его и Бог поможет мне ___ Я эти дни буду много с ним __ если Вам это удастся – я буду счастлива увидеть Вас в пятницу вечером здесь, как мы с Вами условились, в воскресенье – еду в Петербург ___ с Вами Бог!

А.Р. Минцлова.

Напишите мне адрес «Грифа»⁴.

¹Алексей Сергеевич Петровский (1889–1969) – антропософ, член кружка «аргонавтов», участник «эзотерического кружка» при «Мусагете», в который, кроме него, входили Б.Н. Бугаев, Э.К. Метнер, М., И. Сизов, Н.П. Киселев; в дальнейшем сотрудник библиотеки Румянцевского музея. О нем см.: Белый. Воспоминания; Письма Андрея Белого А.С. Петровскому / Публ. Р. Кийза // Новый журнал. 1976. № 122.

²Павел Николаевич Батюшков (1864–1930) теософ, также, как и А.С. Петровский входил в кружок «аргонавтов»; научный сотрудник Румянцевского музея; печатался в теософских журналах «Ребус» и «Вестник теософии», в том числе автор статьи об отце Белого – Николае Васильевиче Бугаеве: Батюшков П. Синтетическое мирозерцание и монадологическое миропонимание//Вестник теософии. 1908. № 5–6. О нем см. : Андрей Белый. Воспоминания.

³В письме к Белому от 27.04.1909, К.П. Христофорова пишет об А.С. Петровском: «< . . . > я слышала, что Алексей Сергеевич Петровский хочет еще притти к нам на теософское собрание – очень прошу Вас, намекните или прямо скажите, чтоб он не беспокоил себя и не приходил. Если же Вам это кажется неудобным, то Вы пришлите мне его адрес и я напишу. Не понимаю, как он к нам попал. . . » (РО РГБ. Ф.25, К.24, ЕД.26, Л. 36). В ответном письме Белый отвечал: «Многоуважаемая и дорогая Клеопатра Петровна! Я очень извиняюсь перед Вами; но я должен Выразить Вашему кружку мое крайнее раздражение: 1) Ал. Серг. Петровский вовсе не думал у Вас быть; он знает подлинных мистиков (Беме, Сведенборга, Зохара) и „манная каша“ Михаила Александровича ему вовсе не интересна. 2) Считаю А.С. Петровского одним из ближайших своих друзей, я не могу равнодушно перенести такое обращение к моему посредству от имени Вашего кружка. Я больше бывать у Вас не могу; должен заметить, что за все время моих посещений я не вынес от Мих. Алекс. ничего нового, так что

вовсе не знаю, для чего должен был я приходить, все это уже я знал, до моих посещений бесед.» (Цит. по: Минувшее. Т.9. С. 469. – в публикации это письмо отнесено к осени 1908 г., но вероятнее всего – это ответ на приводимое выше письмо Христофоровой, следовательно и письмо Белого скорее всего датируется апрелем–маем 1909)

⁴Речь идет о Сергее Алексеевиче Соколове (1878–1936), владельце издательства «Гриф»; символисты называли Соколова «Грифом». Издательство располагалось по адресу: Москва, Знаменка, д. Фетисова, 20.

17.

8 декабря 1909.

Дорогой, милый Борис Николаевич.

Все это время *так* хотелось написать Вам, говорить с Вами – и так многое нужно сказать Вам именно о Петербурге__ но я занята до такой степени, здесь – хотя совсем иначе, чем в Москве!___ что не было ни на минуту сил и возможности написать Вам. Думала о Вас – и думаю – неотступно, с большой горячей любовью.

Вячеслав всей душой любит Вас, он чувствует *ясно* существование Треугольника Верхнего – Вы для него – огромная радость. Вашу статью в „Весех“ он *очень* приветствует¹ и ценит очень Высоко – с большим восторгом он говорит о том, что „из Андрея Белого вырабатывается прекрасный, тонкий, мудрый *журналист*“ (конечно, при этом он ни на секунду при этом, не забывает о большом, *единственном* поэте Симфоний русских – но ему очень нравится именно *это* совместительство почти несовместимых величин). Ремизовы, оба, он и она, посылают Вам самый радушный привет свой. . .

Они оба считают Вашу статью эту (которая, Вы знаете ли, произвела большую сенсацию здесь, в Петербурге?) – *Подвигом* истинным (особенно Серафима Павловна – она восхищается ею со всей страстной бурностью своей природы)_ _

Но, по-видимому – Вячеслав, оба Ремизовы, и Люб. Дм. Блок² – только они одни, эти четверо поняли как следует Ваши слова___ (я говорю о Петербурге) – хотя страшный удар был нанесен чему-то темному Вашей рукой – и многое вспомнилось от этих строгих, правых слов Ваших. . .

Я приеду в Москву 24-го утром (надеюсь, так) и вероятно в тот же день заеду к Вам, на мгновение, только чтобы взглянуть на Вас, улыбнуться Вам ___

Вячеслав сейчас оправляется от инфлуэнцы, и еще не выходит. Его слишком утомляет Петербург, со всей суетой этой, бессмысленной ___ Он, так же, как и Вы, не умеет ограждать себя ___ Вы оба, в этом отношении – *единственные* в мире. . . и я люблю Вас обоих за это, бесконечно ___

А. Минцлова.

¹Статья А. Белого «Штемпелеванная культура». См. примеч. к письму № 15.

²Не совсем ясно отношение Л.Л. Блок к журналистской позиции Белого; похоже, что Минцлова упоминает ее имя не случайно: она была хорошо осведомлена в сложностях личных взаимоотношений Л.Д. Блок и Б.Н. Бугаева. В письме к Э. Метнеру от 14.01.1910, Минцлова сообщала: «В этом *декабре*, Л.Д. выказывала именно *желание*, самое горячее, искреннее желание непременно увидеть поскорее Бугаева, и выяснить, “оправдать,, свои отношения к нему, которые мешают ей жить (*по ее словам*), пока они не определяться, не уложатся в *новую* форму. Именно *увидеться* с ним она хотела, ко мне обращалась по этому поводу ее большой друг, женщина, которой можно безусловно верить всегда ___ Это очень прискорбно, и служит еще лишним подтверждением моих опасений относительно Петербурга – значит, там опять поднялась нечисть и гадость разная, дурманящая слабые (и даже и сильные!) головы. . . Конечно, надо отнять у Белого “злую,, надежду.» (РО РГБ. Ф.167. К.14. Ед.29. Л.2). Еще более откровенная запись – в дневнике Э.Метнера: «О Бугаеве, что он довел Л.Д. Блок до распутства, не взяв ее, когда она хотела отдаться, и насильно овладев ею, когда она противилась» (РО РГБ. Ф.167. К.22, Ед.16, Л. 2 об.)

27 декабря 1909.

Москва.

Дорогой Борис Николаевич

Сегодня я только что приехала, из Петербурга, очень хотелось бы Вас увидеть поскорее. От 3–6 я «видима» каждый день, если хотите, и вечером. Очень радуюсь увидеть Вас.

А. Минцлова.

Мой привет Вашей маме.

19.

<1910>

Пятница, 8 ч. вечера.

Дорогие мои, милые мои Борис Николаевич и Алексей Сергеевич.

Посылаю Вам, сейчас, перед отъездом Вашим несколько этих слов моих, слов приветов и любви великой – сегодня, у меня был Григ<орий> Ал<ексеевич>¹, очень долго мы говорили. Он произвел на меня потрясающее впечатление. Он услышал и понял все, сразу – понял больше, чем я сказала².

Пишу очень смутно и сбивчиво, т.к. очень утомлена. Господь да хранит Вас, дорогие мои, любимые! Думаю выехать к Вам в Бобровку³ в будущую субботу вечером – 3-го апреля ___ Еще раз напишу Вам туда, в деревню ___

Обнимаю Вас и люблю обоих.

А.Р.

¹ Григорий Алексеевич Рачинский, которого Минцлова привлекла к розенкрейцеровскому «кружку» при «Мусагете». В письме к Вяч. Иванову от 4.03.1910 Минцлова жаловалась: «Гр. Ал. Рачинский говорит, говорит без умолку, везде, повсюду, называет имена, за обедами, между водкой и закуской, выкрикивает слова, которых нельзя, не должно произносить _ _ Точно одержание какое-то сошло на него, и все бесы, оставив Нилендера и Эллиса, ринулись в Гр. Ал» (Богомолов Н.А. Указ. соч. С.96; также о Рачинском примеч. на С.479, 480). О нем см.: Белый. Воспоминания.

² Ср. впечатление Минцловой от беседы с Рачинским в письме к Вяч. Иванову от 29.03.1910: «Гр. Ал. *понял все и знает все* ___ и сразу, прежде чем я сказала ему что-либо, встал *на помощь и защиту меня*» (Цит. по: Богомолов Н.А. Указ. соч. С. 479).

³Бобровка – имение Рачинских, там частенько гостил А.Белый.

20.

13 апреля 1910.¹

Ночь, Петербург.

Дорогой, милый Борис Николаевич.

Только сегодня, сейчас могу написать Вам. Все эти дни, у меня были точно замкнуты, наглухо закрытые все слова и мысли – и только сегодня, я могу говорить хоть немного, – в Москве, не буду писать, Вы сами узнаете когда приедете туда ___

Я хочу рассказать Вам о моем разговоре *сегодня* с Вячеславом ___ В<ячеслава> я нашла сильным, светлым, полным любви. Он посылает Вам самую глубокую, радостную любовь свою и привет ___ Относительно нашего „съезда“ – мне начинает казаться теперь, что, быть может, лучше будет отложить это до осени (хотя В<ячеслав> и согласился, очень охотно и радостно, заехать в Москву по дороге за границу, и там увидеть всех братьев своих). В<ячеслав> сейчас еще не знает, быть может, он останется всю зиму будущую в Италии, в Риме, с Верой². И, тогда, значит, вступит в активную деятельность в Москве, во главе которой – Вы, конечно, Андрей Белый!

Все теперь налаживается очень гармонично, в каких-то далеких, подземных слоях земли ___ А пока первый призыв, *первый* удар «Великого Колокола» – я ставлю сейчас, *всем* близким и самым тесно ближайшим мое следующее *требование*: *E.S*³. В течение 3 месяцев, от 25 Апреля этого – пусть *молчание* будет, среди близких, среди *нас* всех – о *всякой мистике*, о *всем*, что касается глубин мистических – о *всех словах, знаках* мистического... Даже в *интимных* кругах пусть не говорится о мистике (с 25апреля) – только человек *один*, наедине с собой *да говорит об этом*. Андрей Белый, Вы ведь понимаете меня, да? Мне трудно говорить об этом – но *это* – должно быть сказано, сейчас.

А теперь еще одно, к Вам, сообщение. Вы знаете ли, что В<ячеслав>, по возвращении из Москвы, сделал *сообщение*⁴, в „Академии“, о своем реферате в „Эстетике“ Москвы – повторил там свою лекцию – и это вызвало большой поворот и волнение в Петербурге –

на сторону В<ячеслава> встал, прежде всего, А. Блок. В<ячеслав> мне сегодня прочел его (А. Блока), дивную речь (записанную и уже и закреплённую)⁵, в ответ на „сообщение“ В<ячеслава> ___ И в этой речи, Блок *всецело* присоединяется к В<ячеславу> – упоминает об А. Белом, в выражениях, дающих ясное указание его *несомненного* отношения к Вам, внутреннего (помните, *что* я Вам говорила когда Вы меня провожали из Бобровки, ночью?)⁶ и, на желание В<ячеслава> – чтобы была напечатана – его речь, (т.е. Вяч<еслава>.) – речь Блока⁷ и речь А. Белого (в Эстетике)⁸, вместе, Блок заявил, что он «ничего против этого не имеет»

Кончаю письмо, т.к. очень устала ___ и теперь напишу с Ал<ексеем> Серг<еевичем>, в Москву, завтра ___
Обнимаю Вас, любимый и дорогой.
А.Р. М.

¹В работе : Богомолов Н.А. Указ. соч. дан ценный комментарий к этому сюжету. Ср. в «Материале к биографии» Белого воспоминание об апрельских переживаниях: «на вечеринке у Христофоровой мой открытый бунт против Иванова и Минцловой /.../ месяц кончается /.../ разгромом братства.» (Цит. по: Минувшее. Т.9. С. 466)

²В июле-августе 1910 г. Иванов находился в Риме. Однако в кругу “посвященных”, в тайну кружка Минцловой упорно держались слухи о том, что истинной целью этой поездки Иванова было посвящение в РК братство: “Вячеслав – в Риме (просто в Риме),,, – сообщал Белый Метнеру в августе 1910 г. (ОР РГБ. Ф.167. К.2,Ед.16, Л 2об.).

³В расшифровке Н.А. Богомолова – «Esoterische Stunde» – то есть «эзотерические уроки, которые Штайнер давал небольшому кругу последователей» (Богомолов Н.А. Указ. соч. С. 480.)

⁴Доклад Вяч. Иванова «Заветы символизма» в первый раз был прочитан в Москве на заседании Общества свободной эстетики 17 марта 1910 г., затем чтение было повторено 26 марта 1910 в петербургском Обществе ревнителей художественного слова. (См. об этом: Кузнецова О.А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» // Русская литература, 1990. № 1 С. 200–207). См. также: Богомолов Н.А. К реконструкции обсуждения доклада Вяч. Иванова о символизме // Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999.

С. 435–437; Богомолов Н.А. К истолкованию статьи Блока «О современном состоянии русского символизма» // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века о оккультизм. М., 1999. С. 186–202; Богомолов Н.А. Из разысканий к истории дискуссии о символизме 1910 года // Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова. М., 2004. С. 84–103).

⁵Речь идет о докладе А.А. Блока «О современном состоянии русского символизма», прочитанном 8 апреля 1910 г. в Обществе ревнителей художественного слова (Поэтическая академия), в Петербурге. Этот доклад был составлен Блоком как ответ на публичное выступление Вяч. Иванова «Заветы символизма» (см. выше примеч.). Эти два доклада принято считать переломным моментом истории символизма.

⁶Известно, что как Иванов, так и Минцлова сыграли не малую роль в примирении Блока и Белого. 6 сентября 1910 г., Блок в ответном письме к Белому, после продолжительной, мучительной для обоих поэтов вражды, писал: «Недавно где-то близко от нас прошла Минцлова и показался Вячеслав. Мне от этого было хорошо, тут было со стороны их обоих – много нежности и такта» (Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. С. 234). Возможно, Блок был осведомлен – через Иванова и Минцлову – о предполагаемом объединении символистов в новом качестве. Вместе с тем, вопрос о том, в какой мере Блок был посвящен в тайну «Рыцарей Ордена Истины» остается не проясненным в полной мере; однако в письме Блока – Иванову от 9 мая 1910 мы встречаем любопытное описание «сна» Блока: «Вчера я видел во сне с необыкновенной отчетливостью смерть Вашу и Андрея Белого. Говорят, это – к жизни.» (Письма А.А. Блока к Вяч. Иванову (1907–1916) // Ученые записки ТГУ, Блоковский сб. Вып.2. Тарту, 1972.) Если предположить, что Блоку была известна предполагавшаяся поездка Иванова и Белого в Ассизи, то «сон» получает символическую огласовку: «смерть» как знак «посвящения».

⁷Доклады Вяч. Иванова и А. Блока были напечатаны в журнале «Аполлон» (Блок А. О современном состоянии русского символизма (По поводу докл. В. Иванова „Заветы символизма“ // Аполлон. 1910. № 8. С. 21–30).

⁸В «Списке рефератов и лекций, читанных мною с 1902 года по 1918 год писке» (Ф. 25. К. 31. Ед.Хр. 8.) за 1909 г. Белый обозначил два выступления в Обществе свободной эстетики: «О Гоголе» и «Магия слов». Вероятно, в письме Минцловой речь идет о реферате Белого «Магия слов» (вошло в кн.: Символизм. М., 1910) – этой работе он придавал большое значение и не раз позднее к ней возвращался, например, в своем мистико-лингвистическом трактате «Глоссолалия».

21.

16 апреля 1910.

Петербург.

Дорогой, милый Борис Николаевич.

Я Вам написала уже в Бобровку – а теперь, сейчас, еще раз хочу послать Вам свой привет__ так бесконечно глубок призыв к Вам, так страшно хотелось бы возвысить голос и сказать то, что грядет__ Но этого нельзя еще... Обращаюсь лишь к Вам немногим и близким, с тихими словами, сейчас: *Христос Воскресе!* И да придет Царствие его____

Обнимаю Вас и братьев моих____

Приеду в Москву, вероятно, числа 25–26–27____ Здесь у меня есть задержка, долг, который должен быть еще исполнен перед окончанием Старого Завета – и перед началом Нового, грядущего____

Милый друг мой, я очень прошу прощения за то, что не могла окончить и послать Вам из Москвы те страницы, которые я обещала Вам послать в Бобровку____ В Москве не было ни минуты возможности, там были тяжелые и трудные мгновения____ – Зато *все* закончено теперь в Москве, мне нужно будет лишь *вступить во владение*, окончательное – остается лишь 2–3 движения руки____ Мне будет *необходима* Ваша помощь, тогда – Ваша, *близких* моих, любимых____

Но Вы еще должны мне написать два слова дорогой мой – помните, Вы это обещали мне – относительно времени, *когда* Вам надо будет уехать за границу¹, т.к. тогда надо будет сообразоваться с этим, я ведь считаю крайне *важной*, эту поездку Вашу в Брюссель², Вы знаете это. И если Вы получили уже ответ оттуда, дорогой мой, напишите мне 2 слова (по адресу Вячеслава), чтобы я могла распределить время и действие теперь, на этих днях – на днях пошлю Вас в Москву то, что я не успела закончить раньше____ Милый, дорогой, да будет свет и радость с Вами, всегда! Обнимаю и люблю Вас.

А.Р. М.

Вашей маме мой глубокий привет и поздравляю. Простите за письмо, я устала немного, и трудно говорить.

¹Белый отправился в заграничное путешествие (по Италии, Тунисии, Египту и к Иерусалиму) с Асей Тургеновой только в декабре 1910 г. (См.: Путешествие на Восток: Письма Андрея Белого / Публ., вступ. ст. и коммент. Н. Котрелева // Восток-Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 148–177.

²Можно было бы предположить, что Белый планировал поездку в Брюссель к Штанейру, но вероятнее всего, Минцлова обещала им в Брюсселе встречу с «братьями». Именно в Брюсселе, в 1912 г., Белому и Тургеновой были явлены некие знаки, свидетельствовавшие о том, что Минцлова мистическим образом подала о себе весть. (См.: Минувшее. Т. 9. С. 451; Тургенева А. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума / Публ., вступ. ст. Н.К. Банецкой. М., 2002.; Андрей Белый. Из воспоминаний. «Начало века» («берлинская» редакция) / Публ. и коммент. М.Л. Спивак // Андрей Белый. Собр. Соч. Рудольф Штайнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штайнере. М., 2000.)

22.

<б/г.>

Дорогой Борис Николаевич

Посылаю Вам свой привет, радуюсь, что Вас увидела таким *сильным* и прекрасным, вчера. Чувствую себя нехорошо, и не буду выходить два дня, пока не пройдет флюс. Наташа не была у меня. Вы, конечно, будете у нее сегодня вечером, да? Это ведь – *необходимо*. Обнимаю Вас, дорогой мой.

А.Р.